

МАРИЯ
СЕМЁНОВА

АННА
ГУРОВА

ДАРЯТА

Книга 3

ЗМЕИНОЕ
СОЛНЦЕ

Миры Марии Семеновой

Мария Семёнова

Аратта. Книга 3. Змеинное Солнце

«Автор»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Семёнова М. В.

Аратта. Книга 3. Змеиное Солнце / М. В. Семёнова — «Автор»,
2018 — (Миры Марии Семеновой)

ISBN 978-5-389-16243-3

Аратта еще вчера была могущественной державой, а ныне осталась без законного правителя и погружается во тьму. Каждый житель страны, будь то царевич или внук ингрийского колдуна, государь воинственного народа или изгнанный из собственного племени отщепенец, понимает: прежней жизни, прежнего мира уже не будет. Удивительные слухи ходят о похищенном наследнике престола – Аюре. Говорят, он жив, творит чудеса и даже яростное Змеево море повинуется ему. Может, он в самом деле сын бога и ему под силу сразить Первородного Змея стрелой, пущенной из солнечного лука? На юге, в горах Накхарана, поднят на знамена древний знак власти – Змеиное Солнце. Телохранитель царевича Ширам, объявив себя царем свободного народа, жаждущего уничтожить Аратту, начинает войну. Вот только его невеста Аюна бесследно пропала в лесах. Идет молва, что ее похитили оборотни... Тем временем двое детей в лесу, полном чудовищ, находят волшебное дерево, а в его дупле – золотую нить, похожую на тетиву. Если бы они знали, кто ее сторожит... Цикл «Аратта» – первый опыт сотрудничества создательницы знаменитого сериала о Волкодаве и талантливой петербургской писательницы Анны Гуровой, автора книжных сериалов «Князь тишины», «Лунный воин», «Книга огня» и других популярных произведений фэнтезийного жанра.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-16243-3

© Семёнова М. В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть 1	12
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	48
Глава 8	54
Глава 9	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Мария Семёнова, Анна Гурова

Аратта. Книга 3. Змеиное солнце

Пролог

Царевич оторвал взгляд от сумрачных просторов Змеева моря и разочарованно поглядел на старого жреца, стоявшего рядом с ним на вырубленной в скале огороженной площадке:

– Где же волна?

Сколько видел глаз, от края до края водяного окоема тянулся пенный гребень. С высоты он напоминал извилистый, дрожащий белый росчерк на серой зыби. Пожалуй, не будь этой пены, Аюр и вовсе бы ничего не разглядел.

Невид поглядел на него искоса, как на скорбного умом, и промолчал.

Пенный гребень неспешно катился, приближаясь к берегу. Над морем, загромождая крича, стремительно проносились чайки. Сын Ардвана с удивлением заметил: та скала с развалинами старого храма, где еще недавно он сражался с водяным змеем, стала выше и ее окружила обширная песчаная отмель. Захоти чудовище подплыть туда сейчас – не смогло бы, лишь глядело бы на него издали.

– Где же волна? – с недоумением повторил он.

В этот самый миг простиравшаяся до края земли серая ширь вдруг поднялась стеной. Будто переступив через каменную плотину, она с раскатистым грохотом обрушилась на Белазору.

– Святое Солнце! – ошеломленно выдохнул царевич.

Его руки намертво вцепились в камень ограждения, но он этого даже не заметил, поглощенный тем, что творилось внизу.

Волна была высотой в два человеческих роста. Аюр видел, как в щепы разбиваются о камни рыбацкие лодки; как море проглатывает рыбный торг, где он еще недавно гулял с Туоли, единым махом сносит лабазы, навесы и лавки; как с ревом врывается в дома и захлестывает узкие улочки Нижнего города. Он видел множество людей, поспешно взбирающихся на крыши, и других, опрометью бегущих к лесистым холмам. Видел рыбарей, пытавшихся обмануть волну и уйти подальше в море, – теперь они в отчаянии выгребали в бурлящем потоке меж затопленных домов, стараясь не разбиться о стены...

– Это первая, – негромко проговорил Невид.

– А сколько всего?

– Никто не знает. Может быть, одна, а я прежде видал и пять...

Клокочущий поток накрывал берег, постепенно замедляясь. Глава храма, внимательно следивший за ним, прервал самого себя:

– Все! Вода отступает. Пора!

Он повернулся к служителю храма, стоявшему за его спиной, и сделал ему знак. Тот поднял бронзовую дудку с закрепленной на конце витой морской раковиной и с силой дунул. Долгий пронзительный вой разнесся над скалой. Ему тут же начали вторить другие раковины.

– Идем. – Невид потянул царевича за рукав. – У нас сейчас будет много дел!

– У нас?

– Да, и у тебя тоже.

Когда они спустились к храмовой пристани, там уже вовсю кипела работа. Аюр с удивлением заметил сложенные по всему двору ряды нагроможденных друг на друга деревянных мостков, соединенных кожаными петлями. Двое молодых служителей по очереди размеренно

били палками в обтянутой воловьей шкурой обруч. Все прочие жрецы, без различия возраста и звания, быстро и без суеты хлопотали с мостками. Аюр видел, как, взявшись вшестером с обеих сторон, они тащили очередной настил за ворота. Вслед за этими жрецами торопились следующие – с длинными слегами, в каждой из которых была высверлена круглая проушина. Дотащив свою ношу до края уложенных мостков, работники, выстроившись по одному, бегом возвращались обратно. На их место тут же заступали следующие. Одни раскладывали мостки, другие тут же вставляли слеги в закрепленные на боках мостков кожаные петли и глубоко вбивали их в донный песок. Третьи продевали в проушины веревку и привязывали к мосткам надутые козьи шкуры.

– Сейчас до города ни посуху, ни по морю не добраться, – пояснил Невид. – Только так.

– А шкуры зачем? – спросил царевич.

– Если вода вновь станет прибывать, мост всплывет вместе с ней. Если спадет – мост осядет.

– И долго так налаживать переправу?

– Увы, дольше, чем хотелось бы. Но иного способа нет. Исварха велик. Там, в городе, слышат, что мы торопимся на помощь. И те, кто спасся, милостью Солнца продержатся, пока мы не доберемся до них.

* * *

– Идем, – сказал Невид. – Мостки скоро будут достроены. Нельзя терять времени.

Он повернулся к воинам храмовой стражи, ожидавшим наготове, и повелел:

– Вы, все шестеро, пойдете впереди. Возьмите копья.

– Зачем? – спросил Аюр, осторожно ступая на шаткие доски.

– Чтобы не подпускать людей к переправе, – пояснил Светоч.

– Но ты сам только что сказал, что мы спешим им на помощь!

– Если мы их сейчас не отгесним, все они бросятся скопом на мостки, передавят друг друга и загубят весь наш труд... – Невид бросил на царевича испытующий взгляд и добавил: – Приказывай, солнцеликий.

– Я? Почему я?! Ведь ты здесь главный!

– А ты государь Аратты. Воплощение Исвархи в этом мире. И мы спасаем людей твоей волей. И да, – верховный жрец указал на идущих впереди храмовых стражников, – они тоже очень боятся. Лишь твоя храбрость может придать им силу.

На берегу, там, где еще совсем недавно была гавань и причалы, среди развалин и обломков толпились те, кто чудом пережил удар волны. Перемазанные в грязи и тине, окровавленные, они кричали, протягивая руки в сторону высящегося на скале храма. Одни метались, толкаясь и стеная, другие пытались ладить что-то вроде стены из деревянных обломков.

– Что делают эти люди? – в замешательстве спросил царевич. – Они обезумели от страха? Даже если они нагромодят тут гору мусора, она не выдержит натиска воды!

– Конечно не выдержит, – подтвердил Невид. – Но пока люди заняты делом, они сами, а не страх – хозяева их тел. Море не первый раз приходит в Белазору. Да, к такому нельзя привыкнуть. А все же, если ты не поддался безумию, знаешь, где спастись, и сохраняешь спокойствие, выжить будет проще. Кто бы ни приказал им возводить эту нелепую стену, он поступил правильно.

Мостки покачивались и скрипели у них под ногами, ниже бурлила полная обломков жидкая грязь, в которую обратилась морская вода. Берег приближался. Вскоре Аюр, цепенея, рассмотрел то, что осталось от приморской части Белазоры.

Никогда прежде ему не доводилось видеть ничего ужаснее. Еще совсем недавно он ездил с Туоли по этим улицам, гулял по торжищу, быть может, разговаривал с кем-то из тех, кто сейчас ждал от него спасения. Теперь на этом месте возникло невероятное месиво из дерева, камня, принесенного волной песка и косматых водорослей. Вещи, еще утром казавшиеся дорожными и нужными, валялись в грязных лужах, изломанные и впечатанные в густой ил. На улицах, по которым все еще бежали потоки мутной отступающей воды, белели скорченные тела мертвецов. Из развалин домов доносились стоны и мольбы о помощи. То и дело на занесенной илом и песком дороге появлялся еще кто-то уцелевший и, утопая по колено в грязи, спешил к берегу, крича и упрасывая не оставлять его.

Как и предвидел Светоч, едва мостки были закреплены, даже чуть раньше, все, кто находился на берегу, бросились к переправе. Стражники привычно сомкнули щиты и выставили копья.

– Стоять! Всем стоять! – раздалось откуда-то из-за спин.

Аюр узнал этот голос – он принадлежал начальнику береговой стражи, который вчера дал ему коня для прогулки.

Почему-то его призыв внезапно успокоил царевича. Он положил руки на плечи копеечников, делая им знак расступиться, и вышел навстречу толпе:

– Я Аюр, сын Ардвана, государь Аратты!

Он сам удивился, насколько громко и уверенно прозвучал его голос. Только что ему казалось, что повалившая к мосткам толпа даже не увидит его, не заметит направленных на нее копий и, стоптав немногочисленную стражу, гурьбой кинется к храмовой скале, сбрасывая друг друга в песчаную трясину. Но едва он сделал шаг за щиты, его в единый миг наполнила уверенность в правоте того, что он делает.

– Повелеваю вам, стойте!

– Стойте! – Из вдруг затихшей толпы выскочил давешний начальник стражи. И, раскинув руки, точно пытаясь обхватить ими всех стоящих на берегу, оказался перед Аюром, закрывая его собой.

– Благодарю, – произнес сын Ардвана. – Они меня уже слышали. Ты будешь охранять переправу. Сначала в храм пойдут женщины и дети, потом все прочие. Нужно спасти раненых. Есть те, кто желает идти со мной разбирать завалы?

Несколько мужчин молча вышли из толпы.

– У нас не много времени, – тихо напомнил Невид. – Те, кого Исварха спас, уже здесь...

Аюр повернулся и отозвался неожиданно резко:

– Те, кому Исварха оставил жизнь, ждут нашей помощи! Если мы боимся исполнить доверенное нам, зачем Господу Солнцу вообще снисходить к нашим просьбам? Идем со мной, Невид! Там понадобятся лекари.

Он вновь обернулся к начальнику стражи:

– У тебя есть еще бойцы?

– Нет, государь! Когда завывала труба, они бросились по домам спасать родных. Но всякому известно – тот, кто увидел большую волну, стоя в низине, не встретит солнце завтрашнего дня... – Стражник тяжело вздохнул. – Мне некого было спасать, и я остался там.

Он ткнул пальцем в приземистую башню храмовой стражи, которая прежде охраняла подъезды к пристани. Аюр сразу вспомнил Туоли – молчаливого храбреца-бьяра, дважды спасшего ему жизнь.

– А где Туоли?

– Я отпустил его еще спозаранку. Верно, он был дома.

– Где его дом?

– Да почти сразу за башней. Там над дверью стрела в трех кольцах. Только осталась ли та дверь...

Аюр отвернулся и, с усилием передвигая вязнувшие в илистом песке ноги, побрел к сторожевой башне.

* * *

Пронзившая три кольца стрела в самом деле красовалась над входом. Но, кроме провала дверей и обломка стены, смотревшей на улицу, от жилища не осталось больше ничего, что бы напоминало о стоявшем тут добротном доме. Груда камней, поваленные стены, обрушившаяся крыша, балки, торчащие из развалин, будто кости мертвеца...

– Пожалуй, тут никто не смог бы выжить, – проговорил Невид, то и дело с тревогой оглядываясь в сторону моря.

Аюр остановился и прислушался.

– Я слышу стон! – воскликнул он. – Там кто-то жив!

Он быстро повернулся к стоявшим рядом с ним добровольцам:

– Скорее, ступайте туда!

Туоли лежал на спине, упершись ладонями в балку, вытесанную из толстого бревна. Но стонал не он. Воин храмовой стражи лежал с побелевшим лицом, его руки и плечи свело от напряжения. Стон доносился совсем рядом из-под кучи поломанных дранок – должно быть, совсем недавно бывшей частью стены. Видимо, именно на нее обрушилась вода. Увидев рядом с собой Аюра и горожан, Туоли шевельнулся, глаза его оживились. Точно на последнем выдохе, он прошептал скороговоркой:

– Там мой сын. Ему придавило ногу...

– Поднимите балку! – приказал сын Ардвана. – Можешь не беспокоиться. Сейчас я его вытащу. Невид, прошу тебя, осмотри его раны!

Старый жрец уже опустился на корточки над потерявшим сознание воином. Приподнял одну его руку, затем другую, покачал головой:

– Обе сломаны. Возможно, руки удастся спасти, но до весны его придется кормить из ложки. Я не понимаю, как он мог удерживать балку.

Аюр слушал его лишь краем уха. Под нагромождением дранки на тюфяке лежал мальчик лет десяти. Правая нога его была пугающе выгнута. Аюр попытался вытащить мальчика, поднять его – тот перестал стонать и, увидев перед собой высокородного господина, сделал неуверенную попытку встать.

– Я смогу, – прошептал он.

– Сейчас. Конечно сможешь.

Аюр подхватил его под мышки, приподнял. На помощь ему подоспели горожане.

– Надо отнести их в храм, – требовательно произнес царевич.

– Надо, – сухо подтвердил Невид. – Однако напомню – дальше идти опасно...

В этот миг со стороны храма, с самой вершины скалы, раздался отдаленный, раздражающий душу вой трубы.

– Новая волна! – бледнея, закричал старый жрец. – Скорее, скорее обратно!

– Туоли и его сына не бросать! – приказал Аюр, торопливо выбираясь из развалин дома. – Спасаться будем вместе!

Добровольцы, подхватив Туоли, со всех ног бросились к пристани. Невид с неожиданной силой потащил за собой Аюра. Однако юный властитель Аратты успел закинуть себе на плечо руку стонущего мальчика.

– Держи его! – крикнул он. – Помоги мне!

– Мы не успеем, скорее! – задыхаясь, отозвался Невид.

– Должны успеть!

Они торопились изо всех сил, хотя жалкое подобие тропинки, натоптанное среди нанесенного первой волной песка и донного ила, не позволяло продвигаться быстро. Когда развалины остались позади и впереди показалось море, Аюр перевел дыхание – волны пока видно не было, только вдалеке белели пенные буруны. Изуродованный берег обезлюдел – последние спасшиеся уже вбегали в нижние ворота храма.

Однако, едва они ступили на мостки, вокруг царевича раздался слитный рев ужаса. Аюр вскинул взгляд и едва не остолбенел. Пенные буруны, еще пару мгновений назад такие далекие, стремительно поднимались, вырастая на глазах. Еще миг – и будто крепостная стена в хлопьях пены двинулась в сторону берега.

– Бегом, бегом! – надрывался Невид, таща за собой царевича. – Бросай мальчишку!

Мощный порыв холодного сырого ветра едва не сбросил наследника престола с мостков. Он поскользнулся на мокром настиле, но натянутая веревка спасла его от падения в песчаную трясину. Стена воды маячила уже почти за храмовой скалой; ее гребень достигал подножия нижних башен. Аюр с Невидом бежали, и сын Туоли, крича от боли и страха, пытался бежать вместе с ними.

Ворота были все ближе, однако и подступающая волна закрывала небо. Стало темнее, будто туча застила солнце. Аюр уже чувствовал на лице несомые ветром брызги.

– Всё! – крикнул вдруг Невид, останавливаясь. – Мы не успеваем. Призовем же милость Исвархи...

Аюр ясно видел стражников и жрецов, только и ждущих, чтобы захлопнуть ворота. На всех лицах был одинаково запечатлен ужас осознания того, что должно было сейчас произойти.

И тут царевич вдруг почувствовал, как будто увеличивается его тело. Золотой перстень лучника на пальце начал давить, обжигая кожу. Но эта боль совершенно не беспокоила Аюра – наоборот, выводила его из обыденности, открывая путь в иное состояние, выпуская наружу запертые прежде невероятные силы.

– Бегите к воротам, – услышал он свой голос, будто со стороны.

Затем развернулся и простер руки в сторону надвигающейся волны.

Казалось, невидимая стена до самого неба воздвиглась перед разъяренным Змеевым морем. Аюр видел поднимающуюся к самым облакам пучину, клокочущую стихийной яростью. Он видел, как волны громоздятся на волны, сиюсь прорваться к берегу. И все же прожорливое море не двигалось с места. Сын Ардвана стоял, не отрывая взгляда от темной вздыбленной водяной толщи, от сорванных ключев пены, будто повисших в воздухе. Сейчас они застыли мокрыми облачками, не в силах ни растаять, ни взлететь, ни упасть. Аюр стоял и глядел.

В его памяти вдруг всплыла другая стена – каменная, но тоже темно-зеленая, полупрозрачная, усеянная бесчисленными искорками, похожими на звезды в вечернем небе...

Он еще совсем мал. Его отец стоит рядом, веселый и полный сил. Около него – дядя Тулум, в неизменном жреческом одеянии. Дядя что-то говорит ему, указывая на темно-зеленую стену. Где она? Он ведь когда-то точно видел ее! Во дворце, или в храме, или еще где-то?

Ардван что-то говорит брату, тот отвечает ему. Аюр вслушался, и будто эхо раздалось в его голове:

«Ему еще рано. Он не поймет».

«И позабудет до урочного часа», – подтверждает эхо голосом дяди Тулума.

«О чем это они?!» – едва не крича от напряжения и боли, уже терзающей все его тело, захотел крикнуть юный властитель Аратты. И вдруг вновь увидел золотые корабли. Они плыли

в темной зеленоватой каменной глубине среди россыпей искр – невероятные, восхитительные. Теперь он знал – на них в мир сошли боги...

– Давай! – раздалось совсем рядом.

Видение исчезло. Боль хлестнула по нему, словно бичом. Он почувствовал, как чьи-то руки подхватили его и потащили к воротам. Спустя мгновение море, сорвавшись с места, с нарастающим ревом двинулось на берег.

Дальше он услышал чей-то резкий выдох. Кто-то швырнул его вперед, как сноп сена, чьи-то руки поймали его.

Тяжелое дыхание за спиной, грохот закрываемых ворот, крик «Заваливай!».

Мощный глухой удар, клекот бурлящей воды...

Но Аюр больше ничего не слышал и не видел. Золотые корабли проплывали в сияющем мраке перед глазами царевича, наполняя его сердце радостью и бесконечным покоем.

Часть 1

Глава 1 Великий Накхаран

Измученный, потрепанный отряд Ширана неспешно двигался по горному ущелью. Чуть больше двух сотен – все, что осталось от грозного войска, совсем недавно покинувшего столицу Аратты. Правда, еще три дюжины всадников были отправлены гонцами к главам двенадцати родов. Каждого из них саарсан призывал прибыть в заранее оговоренное место.

Хаста, едущий на смирной лошадке подле него, то и дело норовил затеять беседу, но Ширан был еще менее разговорчив, чем обычно.

– Да, дела наши идут не самым удачным образом, – рассуждал жрец, не особенно обращая внимания на угрюмость собеседника. – Можно даже сказать, они идут так, что лучше бы уж наконец постояли!

– Не вижу повода для шуток, – глядя на дорогу неподвижным взглядом, бросил Ширан.

– Я тоже не вижу, – тут же согласился Хаста. – В столице – измена, государь убит, наследник пропал, а какой-то раскрашенный фазан едва не разгромил армию доблестных накхов! И хотелось бы пошутить, да как-то не получается... Одно ясно – фазан на поверку оказался коршуном. Вот так причуда Исвархи!

На это Ширан и вовсе промолчал.

– Однако нам удалось вывернуться, и в этом я вижу великую милость неба, – не смущаясь его молчанием, продолжал Хаста. – Скажу как жрец – оно сохранило тебя для великих дел! А что ты? Собираешься мостить дороги черепами арьев! Исварха мне свидетель – это плохая затея. Сам посуди: один удар копытом, в черепе дыра, конь сломал ногу...

– Я знаю, что делаю! – огрызнулся саарсан.

– Не то чтобы я сомневался... Но давеча ты почтил меня высоким званием советника. А потому мне хотелось бы знать о твоих замыслах прежде, чем вновь придется искать брод посреди стремнины... Ты хочешь вновь потягаться силами с Араттой?

– Нет!

– Ну конечно – а родичей с войсками ты повелел сзывать лишь для того, чтобы поздороваться со всеми разом...

– Ты забыл, что я сказал после битвы? – резко повторил Ширан, поворачиваясь к жрецу. – Я не собираюсь тягаться силами с Араттой. Мы ее уничтожим.

– погоди, погоди! Что значит «уничтожим»? Как же твое обещание отыскать Аюра и вернуть ему престол? Ты поклялся! Накхи держат слово...

– Да. Но я клялся мертвому государю. Если найду Аюра – он станет повелителем Аратты. Если нет – Аратты не будет.

Хаста поглядел на него с тревогой. У него не было никаких оснований полагать, что саарсан пошутил.

– Но послушай, что тебе сделали землепашцы? Может, ты затаил зло против пастухов или тебя чем-то оскорбили рыболовы и лесорубы? Да и воины – если не говорить о кучке столичных арьев, – разве они желали причинить зло тебе или другим накхам? Разве они участвовали в заговоре против тебя?

– Ты говоришь скучные вещи, – брезгливо поморщился саарсан.

– О нет! Я говорю о том, что, быть может, важнее всего. Совсем недавно ты понимал это. Вспомни, о чем мы говорили! Позволь мне действовать! Дай мне несколько надежных людей, я доберусь до святейшего Тулума, и вместе мы...

– Зачем? Разве верховный жрец Исвархи смог что-то изменить там, в столице, когда убивали его брата и похищали наследника престола? Даже если он еще не свернул себе шею, споткнувшись на лестнице, – язвительно произнес Ширам. – Твой благодетель – заложник в своем храме! За каждым его шагом следят, и на каждый взмах руки где-то поднимается десяток луков. Если я исполню твою просьбу, то потеряю и тебя, и своих людей. Я не желаю ни того ни другого.

Хаста покачал головой:

– Как скажешь. Я понимаю, что твои слова вызваны болью, терзающей сердце. Я сам рыдал от такой боли, когда видел гибнущих воинов. Сколько отваги, сколько молодой силы попусту ушло в землю на радость врагам! Конечно, ты не находишь себе места, желая отомстить за каждого из них!

Ширам стиснул зубы и отвернулся.

– Но прежде чем повести войско на столицу, – продолжал его советник, – ответь себе: сколько человек ты сможешь собрать? Пять тысяч? Может, семь? Аратта без труда выставит вдесятеро больше. Даже если каждый из твоих храбрецов, погибнув со славой, прихватит с собой с полдюжины врагов – а как мы недавно видели, это удастся не всегда, – то, когда у тебя закончатся люди, Аратта лишь ненадолго ослабнет... И скорее всего, в опустошенные земли Накхарана сразу вторгнутся соседи, чтобы поживиться мясом умирающего зверя... Если, конечно, прежде Киран не пожелает прийти сюда и истребить всех способных держать оружие, как он поступал в землях болотных вендов...

– Я буду бить врагов малыми отрядами, – мрачно ответил Ширам. – Арьи не будут знать ни покоя, ни отдыха. Я отравлю им колодцы и выжгу посевы. Я истреблю их военачальников. Я наполню Аратту слезами и стонами!

Хаста вновь покачал головой, хотя внутри у него все похолодело от таких слов. В свое время ничто не мешало накхам устроить подобное в его родных землях.

– Малые дела – большие хлопоты! – с наигранной беспечностью отозвался он. – Однако, даже если тебе удастся победить Кирана и захватить столицу, ты будешь ненавистным врагом каждому. И теперь уже ты и твои люди забудете о покое! Но все будет иначе, если на трон сядет законный правитель – Аюр! И если *ты* приведешь его.

– А если мне не удастся его отыскать? – предположил Ширам. – Такое вполне может случиться. Он, может быть, уже давно мертв.

– Мне не хочется думать об этом. Но поразмысли вот о чем: если ты, как и собирався, возьмешь в жены царевну Аюну, то прав на престол у тебя будет не меньше, чем у Кирана. И уж конечно, святейший Тулум в этом споре поддержит тебя...

Саарсан надолго замолчал, вновь уставившись на дорогу перед собой.

– Что ты советуешь? – наконец спросил он.

– Лишь подумать над моими словами, – смиренно ответил Хаста.

Он сказал все, что хотел, и надеялся, что Ширам сумеет услышать его.

– Я подумаю, – кивнул саарсан. – А сейчас поедем.

– Куда?

– Со мной.

Хаста вздохнул:

– Разве это ответ на вопрос «куда»?

– Ты задаешь слишком много вопросов. Мы едем в место, прежде именовавшееся Накхаран.

– Но разве мы уже не в Накхаране?

Не ответив ему, Ширам ударил пятками по конским бокам, и Хаста был вынужден догонять его на своей лошадке.

Ехать пришлось день и еще полдня. Хотя они, несомненно, углублялись во владения накхов, путь отряда пролегал через дикие и почти необитаемые места. То и дело под копытами коней сквозь мох и траву проглядывали гладкие плиты – следы давно заброшенной дороги. По сторонам от древнего пути Хаста замечал остатки строений: обломки колонн, куски серых каменных стен, торчащие из зарослей ежевики. Однажды он поднял голову и ахнул от неожиданности, увидев над головой готового к броску замшелого каменного льва, вытесанного прямо в нависающей над тропой скале.

На другой день появились еще свидетельства того, что в этих землях некогда обитали накхи, – и жизнь эта сильно отличалась от их нынешних скромных хижин и уединенных башен. Переходя вброд через шумную ледяную речку, Хаста заметил на соседней скале огромный знак Змеинового Солнца – три змеи, сцепившись хвостами, катятся по небосклону. Хаста знал, что этим знаком накхи изгоняли нечисть. А еще Змеиное Солнце было запрещено в Аратте как ересь и надругательство над Исвархой, и накхам предписали повсюду изничтожить его. Но в этой дикой глуши явно никто не позаботился выполнить приказ. Катящиеся по небу змеи проступали из толщи скал, будто скалы их и породили.

Пару раз всадникам встретились небольшие стелы из светлого камня, и все накхи склоняли голову, проезжая мимо. На поверхности изваяний была вырезана раскрытая ладонь, держащая сердце. Хаста прежде не видал ничего подобного и весьма заинтересовался. Но оказалось, что этот мирный знак имеет жутковатую подоплеку. Стелы ставились на тех местах, где вдовы сааров всходили на погребальные костры своих мужей.

Этот обычай был давно известен в Аратте и решительно порицался арьями как бесчеловечная дикость. Накхи возражали, говоря, что никого не принуждают и всякий человек волен распорядиться жизнью к славе своего рода.

Хаста решил было порассуждать о жестокости подобного обычая, но понимания не встретил.

– Это высшая честь, которую еще надо заслужить, – отрезал Ширам. – Тебе даже не понять, насколько она велика! Такая женщина зовется Совершенной и становится могучим духом – хранителем рода. Память о ее подвиге веками живет в семейных преданиях...

– А если знатная вдова все же вздумает отказаться от такого подвига?

– Она навлечет на себя, покойного мужа и весь свой род неопиcуемый позор!

– Но в таком случае у нее нет особенного выбора...

Тут Хаста вдруг сообразил, что мать Ширама, старшая жена, пережившая мужа, скорее всего, тоже удостоилась подобной «высшей чести», и всякое желание обсуждать старинные обычаи у него исчезло.

Наконец, после полудня второго дня, горы расступились и ущелье расширилось, образуя долину, поросшую высоким колючим кустарником. Ширам остановился и спешился. Хаста последовал за ним, с наслаждением ощущая под ногами твердую землю.

– Что это за место? – разминая затекшие ноги, спросил он.

– Великий Накхаран. – Саарсан обвел рукою заросли. – Мы с тобой стоим у Львиных ворот. Иди сюда. – Сын Гауранга поманил за собой друга и хлопнул ладонью по скрытой зеленой бахромой плюща каменной глыбе. – Вот пощупай. Чувствуешь бугорки? Когда-то это были львиные когти. Мой дед рассказывал, что ворота поддерживались двумя вздыбленными каменными львами. Они были огромны, больше самого крупного зверя, что некогда жил в здешних пещерах. О красоте этих ворот люди рассказывали за много дней пути отсюда. И приезжали поглядеть. А заодно и приобрести разные диковины на торжище. Идем, я все тебе покажу!

– Прости, если мой вопрос покажется тебе глупым и неуместным, – осторожно заговорил Хаста. – Но разве вы, накхи, когда-нибудь что-то изготавливали своими руками?

– Мы никогда ничего не делали на продажу, это правда, – спокойно ответил Ширам. – Но путь сюда был совершенно безопасен. И торговля здесь процветала. К тому же у нас всегда бывало много добычи. И саконы привозили сюда свои замечательные изделия... Кстати, – отодвигая загораживающие тропу ветви, проговорил саарсан, – ты сейчас идешь по улице, на которой могли разъехаться три повозки. По обе стороны улицы стояли дома и башни всех двенадцати великих родов. Потом я могу показать тебе, где стояла чья башня...

– Ну что ты, я тебе верю!

– Да уж придется верить, потому что, кроме торчащих из земли камней и вот этого, – он отпустил ветку, – ничего уже не осталось. А дальше, за торжищем, стоял храм. Огромный, прекрасный храм! Дед рассказывал о нем, но я не смогу повторить всего. Да и если повторю, ты вряд ли представишь его величие. Здесь стояла серебряная статуя Найи, двенадцатоголовой Матери-Змеи, супруги Первородного Змея, высотой в два человеческих роста...

– А потом, приняв истинную веру, накхи осознали всю тьму своих заблуждений и сами разрушили змеевы святилища... – пробормотал Хаста, вспоминая то, чему его учили в храмовой школе.

– Ну конечно, – хмыкнул Ширам. – Чтобы вид опустевшего храма не смущал торговцев и прочих жителей города.

– Да, пожалуй, я ляпнул глупость. Так что же произошло?

– А ты не слышал?

– В доме Исвархи не принято много говорить о Первородном Змее.

– Как и не принято сюда ездить без крайней нужды, – добавил воин. – Но я скажу тебе. После Битвы Позора повелитель Аратты прибыл сюда, осмотрел город, торжище и храмы и приказал сровнять все с землей. Ибо в единой державе может быть лишь одна столица и она должна была возникнуть отнюдь не здесь... Правда, спустя несколько лет он начал закладывать города по всей Аратте. Но Великий Накхаран так и не был отстроен. Сейчас каждому нашему роду принадлежит несколько башен на горных кручах, пастбища и вот эти скалы. – Ширам обвел руками открывающуюся глазу изломанную линию горных хребтов. По большей части горы были покрыты лесом, как мохнатой темно-зеленой шубой, но над ней в небо устремлялись острые голые пики, чуть тронутые сверху сверкающей белизной. – Много сотен лет на каменном троне Накхарана не восседал саарсан накхов. Теперь пришло время восстановить эти стены и открыть древний трон моих предков, спрятанный от чужих глаз в недобрые годы. Скоро ты все увидишь сам.

Когда солнце начало клониться к закату, Ширам, приказав своим воинам ставить шатры и устраиваться на ночевку, направился куда-то вдаль по заросшей тропе, в которую превратилась старинная улица Накхарана. Свите он велел следовать за ним в отдалении, с собой позвал лишь Хасту. Рыжий жрец подчинился, внутренне коря себя за уступчивость. Сейчас на его глазах готовилось произойти нечто, грозящее разрушить весь привычный уклад жизни. И он даже не попытается воспрепятствовать этому? Впрочем, что он может? Приводить доводы, убеждать? Пожалуй, из всех чужеземцев для Ширама он был наиболее уважаемым, и его слово звучало не пустым звуком. Однако, что бы он ни сказал, все натыкалось на глухую стену.

Так что жрец Исвархи, недовольный собой, послушно шагал вслед грозному предводителю накхов. То здесь, то там среди кустов он замечал заросших, оборванных мужчин в бронзовых ошейниках, мотыгами вырубавших и корчующих кустарник.

– Что они делают?

– Расчищают дороги, – не оборачиваясь, пояснил Ширам. – Прежде от храма Найи шло двенадцать улиц, каждая из которых приводила к городской башне одного из великих родов.

Воины этого рода селились по обе стороны улицы, чтобы защищать башню и часть стены. Впрочем, до прихода в наши края арьев не находилось смельчаков, которые решились бы напасть на Накхаран...

– Вот как?

Хаста засмотрелся на работающих пленников, пытаясь представить вместо буйных зарослей прежние стены, дома и башни. Он сделал шаг – и едва успел отпрянуть. Громкое шипение раздалось прямо у его ноги. Шедший впереди Ширам мгновенно развернулся всем телом и толкнул жреца в грудь твердой как камень раскрытой ладонью. Тот отлетел шага на три, едва удержавшись на ногах, и закашлялся, пытаясь восстановить дыхание.

Глотнув воздуха, Хаста потер ушибленное место и уставился на саарсана, присевшего на корточки прямо над явно разгневанной змеей. Та шипела, приподнимаясь и раздувая шею, а воин что-то объяснял ей, указывая на неосторожного чужака. Хасте даже почудилось, что саарсан извиняется за него перед ползучей тварью. Он прислушался, но речь друга сейчас напоминала такое же шипение.

В конце концов змея успокоилась и скользнула в высокую траву.

– А ты гляди, куда ступаешь! – сердито прикрикнул Ширам, выпрямляясь. – Ты чуть не отдал ей хвост! Если бы она прежде не озаботилась спросить у меня дозволения, твой дух сейчас возносился бы к Исвархе, а тело корчилось тут в предсмертных судорогах.

– Это же была ядовитая змея? – на всякий случай уточнил жрец.

– Конечно! Их тут уйма. Прежде здесь в доме у каждого накха жило не менее пяти змей.

– И ты с ней разговаривал?!

– Да. Ведь это наша родня. В них обитают души накхов, погибших в бою. Мы живем рядом с ними и в день Найи, Матери-Змеи, встречаем вместе этот великий праздник.

– А они? – Хаста указал на рабов. – Как же они спасаются от укусов?

– Мы попросили не трогать их, пока они работают. Но если вздумают сбежать – далеко не уйдут. Никто из накхов даже пальцем не пошевелит, чтобы пуститься в погоню. Беглец здесь обречен. Идем. – Ширам кивнул вглубь зарослей. – Держись рядом и не отставай – змей будет много.

Саарсан вскоре свернул с дороги на чуть заметную тропинку, уводящую в столь неприхотливые и колючие заросли, что даже зверь едва ли сунулся бы туда без нужды. Но предводитель накхов шел так уверенно, будто знал здесь каждую ветку, пока не добрался до пологого холма, как и все прочее, заросшего дикой травой и кустарником. Он немного поднялся, сгреб носком сапога землю, и Хаста увидел плоский белый камень, выглядывавший из-под корней и грязи.

– Здесь, – удовлетворенно кивнул саарсан.

Быстро поднявшись на холм, он огляделся и помахал рукой своей свите, повелевая войнам приблизиться. Когда накхи подошли, он что-то им сказал, и они беспрекословно принялись за работу.

– Глазам своим не верю, – пробормотал Хаста, глядя, как воины, кто руками, кто забранными у рабов мотыгами, старательно раскапывают холм. – Что происходит? Накхи роются в земле? Не ты ли утверждал, что прикоснувшийся к плугу накх переродится земляным червем? Не обратит ли рабская мотыга гордого воина в слепого крота?

– Умолкни, если не хочешь прямо сейчас обратиться в корм для змей! – сердито оборвал поток его слов Ширам. – Здесь могут убить и за менее дерзкие речи!

– Прости, не хотел тебя обидеть! Растолкуй мне, болтливому и неразумному, что здесь происходит?

Саарсан недовольно помолчал, но потом все-таки объяснил:

– С древних времен под этим холмом укрыт престол Накхарана. Арьи собирались разбить его, но остереглись идти в долину, испугавшись змей. Они велели накхам собственными руками сокрушить священную реликвию нашего народа. Но мы не сделали этого, лишь заваляли трон камнями и спрятали под землей. Теперь настало время ему вновь появиться на свет. И потому то, что ты видишь, – не противное воинскому духу ковыряние в земле ради урожая, а священный обряд!

Хасте очень хотелось спросить еще что-нибудь, но он поглядел на лицо Ширама и благо разумно прикусил язык. И подумал про себя, что ему не слишком нравится быть благо разумным чаще раза в день, даже если это неперемное условие, чтобы оставаться живым и здоровым среди накхов.

Между тем из-под земли и травы понемногу появлялась каменная насыпь – гладкие, окатанные булыжники, оставшиеся еще с тех пор, как таяли льды и в горных ущельях бушевали стремительные потоки, давно утекшие в прошлое. Ширам наклонился, подобрал один камень и сунул его себе за пазуху. Все воины, кто был рядом, повторили его действие.

– Да будет это знаком того, что воля Аратты более не властна над нами, – размеренно проговорил Ширам, и его воины эхом повторяли за ним торжественные слова. – И пусть этим камнем мне разобьют голову, если я сдамся!

Воины приветствовали слова вождя криками бурного одобрения. Они уже сразились с армией Аратты, потерпели поражение и теперь жаждали крови и мести.

«Но что скажут остальные? – невольно подумал Хаста. – Ширам принес в свой дом войну – все ли будут этому рады?»

– Саарсан! – подбежав, закричал один из накхов рода Афайя. – Сюда движутся отряды родов Хурз, Бунгар и Зериг!

– Передайте им, что я счастлив приветствовать родичей в Великом Накхаране, – с хищной улыбкой проговорил Ширам.

Глава 2

Совет двенадцати змей

Двенадцать отрядов один за другим в полном молчании входили в древний город. По расчищенным рабами дорогам они шли туда, где некогда высились башни их семейств. Они двигались так уверенно, как будто делали это каждый день и каждый точно знал, куда следует идти.

Хаста глядел на них, сидя у порога шатра, который Ширам разбил на месте бывшей башни своего рода, и его все сильнее охватывало чувство, напоминающее суеверный ужас. Все эти люди в черных одеяниях, увешанные оружием, пугали его слитной молчаливой готовностью, ощущение которой все больше и больше разливалось в воздухе. Казалось, прикажи сейчас саарсан, и они пойдут убивать, не разбирая правого и виноватого, воина или землепашца, – равнодушно и деловито, потому что рождены именно для этого...

Ширам явно не разделял чувств и мыслей своего названного брата. Если когда-то Хасте и доводилось видеть его радостно улыбающимся, то именно сейчас. Подняв к небу клинок из лунного железа, он приветствовал каждый отряд, и те безмолвно отвечали ему, громяхая оружием о маленькие круглые щиты.

Поставив шатры, все двенадцать отрядов собрались у подножия расчищенного холма, на вершине которого в сизых сумерках белел священный престол. Один за другим вслед за отцом рода воины поднимались на холм, брали камень из россыпи и прятали его за пазуху. Многие прихватывали еще три-четыре булжника для тех, кто остался дома. Затем, покончив с этим делом, накхи спускались вниз и усаживались на расстеленных загодя войлоках, каждый на свое место, у длинных низких столов.

Между тем подступила ночь. Стемнело быстро. Едва солнце ушло за горы, священную долину накрыла непроглядная тень. Но ненадолго – во тьме один за другим загорелись десятки костров.

Напитки и еда, по мнению Хасты, были весьма скромны – жареное мясо, лепешки, козий сыр, вино... Накхи косо поглядывали на чужака, словно недоумевая, почему тот сидит за столом с воинами и где его ошейник и мотыга. Но несколько слов, брошенных Ширамом, заставили их отвернуться от жреца Исвархи с нарочитым равнодушием. «Непременно выучу их язык! – решил Хаста. – И как можно скорее...»

Тем временем саарсан повернулся и окликнул молодую женщину, сидевшую в паре шагов за его спиной. Та молча поднялась и подошла к нему. Ширам и ей что-то сказал по-своему, а затем перевел Хасте:

– Это Марга. Она позаботится, чтобы у тебя во всем был достаток и чтобы никто не обидел тебя.

Молодая накхини кинула на гостя такой взгляд, что жрецу подумалось, что неплохо бы знать, как при случае защититься от нее самой. Она была на полголовы ниже Хасты, зеленоглазая, стройная и тонкая, как копье. Ее длинное черное платье было расшито затейливыми серебристыми узорами – не поймешь, то ли звери, то ли цветы, то ли буквы. Хаста отметил, что ее можно было бы назвать привлекательной, если бы не жесткое выражение лица, которое стало еще угрюмее при виде жреца Исвархи.

– Ступай за мной, чужак, – приказала она.

Вернувшись на прежнее место, накхини указала на скатанную попону:

– Садись.

– Благодарю за любезность, госпожа, – ответил Хаста.

Марга не удосужилась ответить.

– Хороша забота, – усаживаясь, проворчал жрец.

Главы великих родов по старшинству восседали по обе стороны и напротив Ширама. На груди у каждого из них висел знак власти – Змеиное Солнце из чеканного серебра, с ярким камнем в середине.

Начало встречи, как показалось Хасте, шло по раз и навсегда заведенному обычаю: возлияния богам, предкам, прославление каждого из великих родов. Внимательно вслушиваясь в разговоры накхов, Хаста отметил про себя, что несколько отцов рода – сааров – среди прочих богов упомянули Исварху, но вскользь и небрежно, будто это был домашний божок – охранитель порога.

Вслед за возлияниями саары начали о чем-то расспрашивать Ширама. Расспросы шли так спокойно и неспешно, будто саарсан просто вернулся после долгой отлучки и прибыл в свои владения, чтобы объехать принадлежащие ему земли, побывать в каждой из башен и провести ночь с каждой из жен. В речи порой мелькали знакомые названия и имена.

– О чем они говорят? – спросил Хаста.

– О делах, достойных великих мужей, – отрезала накхини, даже не повернувшись в его сторону.

– А если точнее? Может, переведешь мне?

– Ты жрец, а не воин. Зачем тебе знать все это?

– Саарсан почтил меня званием советника!

– А я – нет. Не мешай слушать.

Хаста вздохнул и принялся всматриваться в лица говорящих, пытаясь угадать, о чем идет беседа.

– Так что же произошло в столице? – спросил один из сааров, могучий воин с длинной сидящей косой, переплетенной широкими белыми лентами.

– Мы были оскорблены, – ответил Ширам.

– Кем?

– Сначала государь нарушил данное им слово. Затем сын и наследник государя был похищен, и это преступление попытались свалить на нас. Но я все еще старался избежать раскола и войны. Я дал государю возможность исправить содеянное, не теряя лица. И мы договорились – о перемирии и совместных поисках. Но той же ночью государь был убит у себя во дворце, в собственной опочивальне. И арьи вновь обвинили нас! Обвинили и потребовали сложить оружие. Оба условия нашего изначального договора с властителями Аратты были попорчены. И, как саарсан, я был вынужден объявить войну!

– Ты лишь зовешься саарсаном, – коротко напомнил еще один из вождей, с виду несколько старше Ширама.

Его черная коса была переплетена золотыми лентами, а длинные висячие усы выкрашены в черный и рыжий цвет.

– Что ты этим хочешь сказать, Аршаг, сын Ашгарана? – холодно ответил Ширам.

– Я не буду судить твои дела, Ширам, сын Гауранга. В каждом из них ты проявил подбаивающие воину храбрость и ловкость, – заговорил рыжеусый саар. – Но посуди сам. Ты сопровождал царевича Аюра на Великую Охоту. Вернулись лишь вы вдвоем – как я понимаю, вот с этим...

Аршаг ткнул в ту сторону, где подле молодой накхини тихо сидел Хаста.

– Что он сказал? – встревоженно поинтересовался рыжий жрец.

– Тебя это не касается, – отрезала девушка.

– А кого же... – начал было советник.

– Саарсана. Молчи!

Между тем длинноусый продолжал:

– Ты поссорился с государем, и в жертву этой ссоре был принесен мой младший брат Мармар.

– Он был и моим близким родичем, – напомнил Ширам.

– Да, это правда – как и то, что ныне он мертв. Ты примирился с государем, но это не помогло. И ты без боя покинул столицу, оставив арьям нашу неприступную твердыню!

Ширам вспыхнул, привстал и хотел что-то сказать, но говоривший рыжеусый саар поднял руку, показывая, что не закончил.

– Ты вел с собой большой отряд, – продолжал он, – но попал в западню. Не найдется клеветника, который сказал бы, что ты трусил и не был первым в схватке. Говорят, о твоих подвигах на поле боя можно сложить песню! Но лишь малая часть наших воинов избежала гибели, а некоторые даже попали в плен! Да, Ширам, – ты спасся и спас более двух сотен накхов. Впрочем, ходят слухи, что и с этим тебе помог вот он... – Саар вновь ткнул пальцем в Хасту. – Я верю в твою доблесть и воинское умение. Но боги не любят тебя, Ширам. Они щедро одарили тебя, но отвернулись – должно быть, в тот миг, когда ты вздумал взять в жены девушку из арьев.

– Она не просто девушка! – резко возразил глава рода Афайя. – Она дочь государя Аратты!

– Все девушки – чьи-то дочери. Но из-за этой уже пролилось немало крови там, на равнине. А если ты, как обещал, станешь мостить дорогу в столицу черепами арьев, ее прольется куда больше. Накхи не берут жен из других народов. Кто ты такой, чтобы вводить новый обычай? Некоторые у нас считают, что ты провел чересчур много лет на чужбине. Сможешь ли ты стать достойным саарсаном, Ширам?

Рыжеусый саар смотрел главе рода Афайя прямо в глаза. Темнота вокруг словно застыла, прислушиваясь к его словам.

– Может, тебе лучше отойти в сторону и отказаться от этой чести? – продолжал он в тишине. – Все мы помним, что твой дед сказал про тебя: «Он будет храбрым воином, но скверным вождем!» – а твой дед был великим отцом нашего народа...

– Ты сказал много, Аршаг, сын Ашгарана, – процедил Ширам, поднимаясь на ноги. – Я внимательно тебя выслушал, потому что ты саар и мой родич. У меня есть ответ на каждое твоё слово – но ты упоминаешь волю богов. А значит, только боги могут подтвердить или опровергнуть сказанное тобой. Давай же узнаем, что сейчас прозвучало – разумные слова или шакалий вой!

Ширам обошел стол и вышел на открытое место. Аршаг тут же последовал его примеру. Прочие вожди развернулись в их сторону. Воины, стоящие за их спинами, расступились, освобождая широкий круг.

– Что это они удумали? – с опаской спросил Хаста.

– Смотри глазами, – цыкнула Марга, чрезвычайно встревоженная происходящим.

– Хорошее занятие, – вздохнул рыжий жрец. – Мне бы очень не хотелось от него отвыкать...

Между тем саарсан и его противник начали снимать и откладывать в сторону свое оружие. Хаста уж в который раз поразился, до чего же его много. Сколько всего, способного резать, колоть, наносить ушибы и ломать кости, таскает на себе каждый накх! И ведь это они еще не готовились к бою...

Наконец с оружием было покончено. Оба воина стянули рубахи, оставшись обнаженными по пояс. По их смуглым мускулистым телам извивались наколотые змеи, будто переползая со спины на грудь: у Ширана – пятнистая эфа, у Аршага – остроголовая степная гадюка.

– Они что, решили устроить драку? – спросил Хаста.

В глазах накхини отразилась невероятная смесь ужаса и презрения.

– Не смей говорить о том, чего не в силах понять! В священном поединке на землю сходят боги. Сейчас в обоих саарах оживает сила зачинателей рода! Только Мать Найя и Отец-Змей ведают, кому отдать победу!

– Неужто в Накхаране нет другого способа узнать божью волю, кроме как изувечить друг друга? – ляпнул Хаста и тут же пожалел о своем длинном языке. На лице Марги отразилось острое желание немедленно явить ему божью волю самым болезненным из принятых здесь способов. – Прости, госпожа, я не хотел оскорбить твоих богов, – виновато прошептал он. – У нас подобных обычаев давно уже нет. Лучше объясни, что здесь творится...

Тем временем два немолодых саара вышли в круг и завязали Шираму и Аршагу глаза, распевно произнося при этом то ли заклинания, то ли наставления.

– Хорошо, я тебе поясню, – прошипела Марга. – Сейчас они не могут видеть, а значит всецело доверяются воле богов. Они не могут использовать ни хитрости, ни уловки...

– Разве это не одно и то же?

– Жрец, ты ничего не понимаешь в искусстве ведения боя.

– Да. И вероятно, поэтому до сих пор жив.

Накхини глянула на него с брезгливым сожалением, как глядят на безрукого попрошайку.

Приготовления к бою продолжались. Когда те, кто завязывал глаза, закончили свое дело и удалились, двое иных сааров связали между собой кушаки противников, так что воины, вытянув руки, едва могли дотянуться друг до друга кончиками пальцев.

– Вот видишь? Теперь они связаны в единое целое. А значит, уже нет вопроса, который задает богам каждый из них. Есть единый общий вопрос.

«А я думал, их связали, чтобы они не разбежались в разные стороны», – хотел было сострить Хаста. Но вовремя осекся и кивнул:

– Да. Очень мудро!

На лице девушки промелькнула тень улыбки.

– Что ж, ты наконец это понял!

Саары продолжали тихо петь, однако бойцы их не слушали. Они стояли друг против друга, чуть покачиваясь, ожидая знака.

Вдруг резкий выкрик, заставивший Хасту вздрогнуть, сообщил о начале поединка. В тот же миг Ширам молниеносно обернул кушак вокруг запястья левой руки и, рванув Аршага на себя, выбросил правую руку вперед. Но едва его пальцы коснулись головы противника, тот жестко и коротко ударил Ширама сбоку по голени, сбивая его с ног.

Еще падая, Ширам ухитрился дернуть за кушак, поймать ногу противника между двух своих и резко повернуться. Длинноусый саар рухнул на спину. Противники упали почти одновременно. Толпа вокруг дружно выдохнула, но ни один из сааров не издал ни звука, чтобы не выдать себя. Аршаг выдернул ногу и тут же откатился в сторону. Ширам попытался поймать его, замахнулся и нанес сокрушительный удар. Но противник ужом извернулся, сбил его руку, вскочил и отшатнулся так далеко, как позволял кушак.

В тот же миг Ширам тоже оказался на ногах. Хаста заметил, как исказилось его лицо. Должно быть, полученный им удар по голени был чрезвычайно сильным. Однако, тут же позабыв о боли, он начал скользить по кругу, выбирая миг, чтобы стремительно напасть сбоку. Напротив точно так же бесшумно крался по кругу Аршаг.

Внезапно саар рода Зериг кинулся на противника, ухватил за плечи, попытался развернуть, но не тут-то было. Не стараясь вырваться, Ширам шагнул навстречу, обхватил противника и с размаху ударил его лбом в лицо. Кровь потоком хлынула из сломанной переносицы и разбитых губ. Аршаг отлетел и упал навзничь.

Вокруг грянул дружный рев. Марга ахнула и вскочила, всплеснув руками, как обычная перепуганная девушка. Хаста покосился на нее с недоумением. Прежде ему казалось, что она переживает за Ширама!

Ослепший от боли и заливающей глаза крови Аршаг не сдавался. Он приподнялся на локтях и теперь пытался отползти. Но встать ему уже не позволили. Ширам бросился на него, зажал его горло сгибом локтя и начал сдавливать, как в медвежьем капкане.

– А бывает у вас, что кого-нибудь так убивают? – спросил Хаста.

– Только если на то будет воля богов, – хрипло отозвалась Марга, не сводя взгляда с поединщиков.

Ширам давил все сильнее, но Аршаг по-прежнему силился вырваться. Он пытался нащупать косу противника, однако было видно, как его пальцы теряют ловкость. Теперь казалось, что он царапает ими воздух. Постепенно его движения замедлились...

– Остановись, Ширам! Боги сказали свое слово!

Руку властным жестом подняла немолодая женщина с горделивой осанкой и холодными серыми глазами – предводительница рода Бунгар, единственная из глав семейств седовласая, точно покрытая снегом горная вершина. Одета она была как воин, с той же мрачной роскошью, что и прочие саары.

Хаста уставился на нее с невольным любопытством. Он знал, что, выходя замуж, женщины накхов круто меняют свою жизнь, обрекая себя на добровольное заточение в своих башнях. Далеко не всем приходилась по нраву такая перемена. Саари рода Бунгар была одной из таких женщин: отказавшись от замужества и права завести собственных детей, она с годами стала прославленной воительницей и матерью всему своему огромному роду.

– Боги изъявили свою волю, Ширам, – заговорила она. – Ты – саарсан! Нынче в полночь на твое чело возложат змеиный венец, и ты сможешь призвать свой народ идти туда, куда сочтешь верным. Никто не посмеет тебе противиться. Даже если ты прикажешь всем нам прыгнуть в пропасть, никто не ослушается. Но ответь на один мой вопрос, Ширам, сын Гауранга. Я участвовала в семнадцати войнах и стояла рядом с твоим дедом в четырех битвах, а потому имею право задать его. Никто из сааров не желает тебе зла. Однако за каждым из нас – один из великих родов. Мы хотим знать, какую судьбу ты уготовил нашим детям?

Когда седая накхини замолчала, Хаста легко тронул за руку свою соседку. Та отдернула руку, но повернулась:

– Чего тебе, жрец?

– О чем она говорила?

– Арза-Бану хочет знать, что саарсан решил насчет войны с Араттой.

– Я бы тоже не отказался, – пробормотал Хаста, чувствуя, как его кидает в жар и начинается тревожно колотиться сердце. Услышал ли его Ширам? Не забыл ли клятву? Или по-прежнему желает только мстить?

С глаз Ширама уже сняли повязку и утерли ему кровь с лица. Он натянул рубаху, намотал обратно кушак, надел поверх него боевой пояс и начал вооружаться. Саары внимательно глядели на него, ожидая ответа. Наконец Ширам закончил, мельком глянул на Хасту и заговорил громко и резко. Вожди, слушавшие его речь, то хмурились, то сжимали кулаки, то просто кривили лица и перешептывались. В целом же было ясно, что слова саарсана стали для них полной неожиданностью.

– Что он говорит? – тормошил Хаста свою «защитницу».

Та слушала с таким же потрясенным видом, как и прочие.

– Тела наших родичей едва остыли! – вместо ответа возмущенно бросила она. – Их кровь вызывает к отмщению – а мы не будем мстить?! Разве так можно? Мы не пойдем войной на Аратту?!

Хаста едва заметно вздохнул с облегчением. Зеленые глаза накхини полыхнули.

– Эй, жрец! Уж не ты ли вбил ему в голову такую блажь?

Тот не успел и рта раскрыть, но девушка, услышав еще что-то, тут же о нем забыла:

– Или все-таки пойдем? Но зачем нам их царевич? К чему поднимать лик Исвархи рядом с нашим Змеиным Солнцем? Мы просто должны пойти и покарать... О Великая Бездна! Так мы будем воевать или нет?

Тем временем Ширам вдруг прервал свою речь, повернулся и принялся шарить по толпе взглядом.

– Хаста! – повелительно крикнул он. – Иди сюда!

– *Жрец* Хаста, – проворчал тот, поднимаясь. – Мог бы обратиться и почтительней. Я все же личный посланник святейшего Тулума...

Впрочем, его слов никто даже не расслышал.

– Расскажи им то, что поручил тебе Тулум, – приказал саарсан.

– Благодарю доблестного Ширама за возможность молвить слово в столь высоком собрании, – с достойным видом произнес Хаста.

– Не тяни змею за хвост, жрец Исвархи, – буркнул подошедший к прочим вождям Аршаг, прижимая тряпицу к разбитому лицу. – Что ты хочешь нам предложить?

– Прежде всего – выразить восхищение твоим боевым искусством, храбрый саар. Я говорю сейчас от имени святейшего Тулума, верховного жреца Аратты и брата государя...

– А чем нам поможет ваш верховный жрец? – перебил его Аршаг. – Если он все еще жив, то наверняка заперт в стенах собственного храма.

Вместо ответа Хаста торжественно поднял руку, показывая всем золотой перстень, данный ему на прощание Тулумом.

– Любой служитель Господа Солнца обязан повиноваться этому знаку. А значит, все городские храмы, храмовая казна и храмовая стража – в моей воле. Кстати, напомним, что, если Аюр не найдется, именно Тулум наследует трон. Киран – наш общий враг. Если он будет сокрушен, можно не сомневаться – с Накхараном заключат совсем иной, равный договор.

Саары умолкли, обдумывая его слова. Их лица были хмуры – предложенное Ширамом и его советником звучало весьма необычно.

– Благодарю тебя за ответ, Ширам, сын Гауранга, – вновь поднялась Арза-Бану, не глядя на жреца. – Стало быть, ты хочешь возвести на престол царевича Аратты, но даже не знаешь, где он... Мы выслушали и тебя, жрец Хаста. Ты говоришь занятные вещи – будто этот перстень наделяет тебя неслыханной властью. Впрочем, пока это лишь твои слова... Но главное – Отец-Змей и Мать Найя сегодня ясно показали, на чьей они стороне. А они не желают гибели Накхарана, – стало быть, эта война может быть выиграна. Будь по-твоему, Ширам! Мы поднимем знаки Солнца и Змея, слоим сопротивление там, где оно будет, и войдем в ворота, там где их откроют... – Она чуть помедлила. – Я и мой род поддерживаем Ширама!

После этого не было больше ни вопросов, ни споров. Один за другим вожди накхов, кто с явным одобрением, кто с неохотой, вставали и на оружии клялись в верности:

– Да будет славен Ширам, сын Гауранга, саарсан накхов!

Глава 3

Змеиный венец

Когда совет вождей завершился и стоявшие за спинами сааров ближние воины разнесли весть о том, что двенадцать великих родов провозгласили Ширама саарсаном Накхарана, Хаста решил было, что на этом дело завершено. И теперь пора готовиться к веселой – ну, по нахским понятиям о веселье, конечно, – пирушке. Тут он надеялся, что ждать долго не придется, поскольку уже давно стемнело, а за разговорами он не успел толком перекусить. Дорога от поля битвы к развалинам вообще не баловала сытными трапезами. Отряд без обоза жил лишь охотой и случайным грабежом.

Но вместо того чтобы заняться приготовлением каких-нибудь причудливых местных блюд, воины собрались у костров и принялись деловито раскрашивать друг друга: мазать лица сажей и вырисовывать на руках подобие чешуи. Иные из них, видно, считались мастерами своего дела – к ним ожидали своей очереди по несколько человек, а те сосредоточенно выводили на зачерненных лицах белые узоры.

Хаста чувствовал себя брошенным и позабытым. Не то чтобы никто не обращал на него внимания, – стоило ему чуть отойти от шатра рода Афайя, на него тут же обращались вопрошительные и весьма недружелюбные взоры. Потом кто-нибудь обязательно кидал веское слово на местном наречии, и откровенно неприязненные взгляды сменялись слежкой исподтишка. Решив не рисковать, рыжий жрец устроился возле костра рода Афайя и, разложив свой неизменный свиток на камне, принялся зарисовывать поглощенных своим таинственным делом нахов.

– Чем ты тут занят? – раздался над его головой недовольный голос Ширама.

– Коротая время. Скоро мы будем ужи...

Хаста обернулся к другу, и слово застряло у него в горле. Пожалуй, сейчас он не проглотил бы самый лакомый кусочек. Лицо Ширама исчезло – оно было полностью зачернено, сливаясь с ночной темнотой. Зато во весь лоб красовалась змеиная голова с распахнутой пастью. От змеиной головы через макушку вниз спускалась тугая коса с вплетенными в нее блестящими черными лентами с вышитыми серебристыми зигзагами и точками. Рядом с вождем нахов хлопотала богатая одетая молодая женщина, вплетающая в оконечность косы граненое серебряное острие. Еще одна нахини подрисовывала змее клыки, и без того очень убедительные.

– Я рисую... – наконец выдавил Хаста.

– Нет. Спрячь. Не делай больше так. Если кто-то увидит, тебя могут убить.

– Почему?!

– Подумают, что ты пытаешься забрать в колдовской оберег часть души.

– Ну что ты! Это мохначи могут так рассуждать, – удивившись, возразил Хаста. – На деле же ничего такого нет!

– Хоть бы и так, – Ширам покачал головой, и от этого движения змея на его лице ожила и задвигалась, – но здесь никто тебе не поверит. Спрячь.

Хаста нехотя повиновался. Его разрывали двойственные чувства. Чем больше вокруг становилось змееголовых, тем сильнее ему хотелось оказаться подальше от этого места. Но неумное любопытство, с детских лет бывшее одной из главных его черт, толкало в бок: «Эй! Быть может, ты единственный житель Аратты, которому довелось своими глазами увидеть подобное! Во всяком случае, свободный житель...»

Он вспомнил рабов, которые еще недавно расчищали улицы заброшенного города и подклеты храмов и древних башен. Но еще перед советом вождей всех невольников древками копий выгнали за пределы запретного города. «Как бы их не вздумали по случаю праздника принести в жертву», – вспоминая сплетни, что ходили о нахах в Аратте, подумал Хаста.

Вскоре после заката Ширам, окруженный свитой, к которой присоединились шесть молодых женщин, прихрамывая, направился к вершине холма. Белый престольный камень, уже полностью освобожденный из земли, оказался со всех сторон покрыт затейливой резьбой в виде переплетающихся змей. Определенно это были не просто переплетения, и то, что случайный человек принял бы за украшения, наверняка было наполнено глубоким смыслом. В храме Хасту учили, что накхи не знали письма и переняли его у арьев, но, глядя на резной камень, он вдруг в этом усомнился.

Он сделал еще шаг вслед за саарсаном, но вдруг чья-то твердая рука остановила его – беззлбно, но непреклонно.

– Куда собрался, жрец? – услышал он знакомый неприветливый голос. – Тебе туда нельзя! Хаста повернулся и вновь увидел Маргу.

– Почему? Я советник Ширама...

– Ты жрец Исвархи! – резко ответила накхини. – Саарсан оказал тебе незаслуженную честь, дозволив остаться так близко к престольному камню. Иди и встань вон туда, к ним!

Она махнула рукой в сторону шести женщин, которые остановились чуть ниже, не доходя до вершины холма пары десятков шагов.

– Если я жрец, так отведи меня к жрецам, – раздраженно ответил Хаста, которому изрядно надоело высокомерие приставленной к нему «няньки».

Марга удивленно взглянула на него, потом хмыкнула:

– У нас нет жрецов. Есть сестры Найи, но им сейчас точно не до тебя. А эти женщины – не абы кто, а жены саарсана.

– Не сказать, чтобы я был польщен, – проворчал Хаста, спускаясь по склону. – Одна радость: мы с ними не похожи...

Он обернулся и увидел, что Марга, не дослушав, сбегает куда-то вниз с холма.

Едва Хаста приблизился к женщинам, как одна из них, видимо старшая, схватила его за плечо и как ни в чем не бывало задвинула себе за спину. Он пробормотал приветствие, но ответа не дождался. Взгляды молодых накхини были устремлены к вершине холма. Хаста пожал плечами и принялся украдкой рассматривать жен своего друга.

Хотя их лица оставались нераскрашенными и в руках не было мечей и круглых щитов с острым шипом посередине, выглядели юные женщины весьма воинственно. Длинные кинжалы на украшенных серебряными накладками поясах ясно говорили, что при необходимости они успешно займут место в боевом строю. Хасте они показались куда более подходящими для битвы, чем для супружеского ложа. Он невольно вспомнил нежную ясноглазую Аюну, которую не раз видел в храме и при дворе. Да уж, после суровых накхини младшая дочь Ардвана представлялась и впрямь птичкой иной породы. Неудивительно, что Ширам так себя повел тогда, во дворце!

«Впрочем, они были бы недурны собой, если б хоть изредка улыбались, – справедливости ради признал Хаста. – Но вот это общее для всех накхов ощущение от их взгляда – либо „я хочу тебя убить“, либо „я не хочу тебя убить“... Провести ночь с такой, пожалуй, подобно поединку!»

Между тем тьма вокруг холма почти рассеялась – так много костров и факелов озарило место действия. Оттуда, где стоял Хаста, была видна лишь спина Ширама, преклонившего колени перед белым камнем и мерно кивающего, точно разговаривающего со священным престолом.

«А что, если для совершения ритуала им нужно омыть трон кровью ария? – посетила вдруг Хасту правдоподобная мысль. – А что? Из-за арьев престол ушел в небытие – теперь же, когда он возвращается...»

Жрецу очень живо представилось, как его волокут на вершину и одним умелым взмахом топора под торжествующие вопли толпы отсекают голову.

«Надо бы Шираву напомнить, что я не арий, а то мало ли... Может, для прочих и разницы-то особой нет?»

Он сделал шаг в сторону, чтобы выбрать место, откуда ему было бы лучше видно, как вдруг огонь ближнего факела выхватил из темноты ветви растущего на склоне невысокого кустарника. Хаста глянул и тут же распрощался с желанием шевелиться. Ветви куста – и этого, и прочих – были увешаны змеями. Те не двигались, лишь слегка покачивались в ожидании, глядя на белеющий на вершине холма каменный престол.

«Да тут же сотни змей! – в ужасе осознал Хаста. – Они повсюду!»

И тут он услышал шипение до того жуткое, что у него едва не подогнулись колени. Хаста затравленно оглянулся. Жены Ширама, почтительно склонив голову, глядели в ту сторону, где в прежние времена стояли львиные ворота. В колеблющемся свете факелов Хаста увидел, как оттуда к бывшей рыночной площади ползет – вернее, плывет по воздуху, – блестя серебристой чешуей в лунном свете, огромная змея.

Хаста как замороженный устался на серебристую змеиную морду, которая неумолимо приближалась к холму. Через миг он усмехнулся, подавляя в душе стыд.

«Дружище, ты совсем рехнулся от страха перед наксами, – укоризненно сказал он себе. – Или ты никогда не видел, как господь Исварха на солнцеворот убивает Первородного Змея? Или сам не был однажды этим змеем – вернее, плясуном, который прятался внутри него?»

Голова змеи – серебристая, с распахнутой пастью и острым клыками – была надета на голову женщины в черном, видимо верховной жрицы Матери Найи. Следом, положив ей на плечи руки, следовали другие женщины. На их спинах сверкала металлическая чешуя. Они-то и издавали так напугавшее Хасту шипение. Однако когда он прислушался, то разобрал в этом шипении однообразные, повторяющиеся слова почти нечеловеческого песнопения.

«Огромная змея поет песню, что такого необычного? – мысленно сказал себе Хаста. – Вот если бы ее подхватили все прочие змеи, висящие тут повсюду на кустах, пожалуй, стоило бы насторожиться...»

«Змея», извиваясь, переползла через площадь и начала подъем к развалинам храма. Ширам поднялся и сделал несколько шагов навстречу ей. Все присутствующие, не исключая женщин, подхватили ее песнь, бряцая оружием и колотя по щитам клинками. Хаста без слов запел вместе с ними, понятия не имея, о чем шипит Мать-Змея, но опасаясь, как бы молчанием не нажить себе смертельных врагов. Конечно, ему, жрецу Исвархи, такое потворство змеепоклонникам было, мягко говоря, не к лицу. «Однако, – тут же подумал он, – Исварха и праведным, и послушникам дарит свое тепло. И конечно же, Господь видит, что помыслы мои чисты».

Хаста поднял глаза к нему и устался на диск полной луны.

«Ну, я надеюсь, что видит...»

Между тем плывущая по воздуху змея и Ширам встретились перед каменным тронem. Саарсан наклонил голову. Мать-Змея ответила на приветственный жест. На миг Хасте почудилось, что голова его друга оказалась в ее пасти. Но, приглядевшись, он понял, что они обнимают друг друга за плечи, соприкасаясь лицами, словно в поцелуе. Так они стояли молча, не двигаясь, пока змеиный хвост все плотнее, уже в три ряда, обвивал новопровозглашенного владыку Накхарана.

«Что они там делают?» – пытался разглядеть Хаста. Ширам уже почти целиком исчез в змеиных кольцах. И вдруг в руках жрицы – вернее, в пасти огромной змеи – блеснули два длинных острых клинка. Точь-в-точь ядовитые клыки!

Все звуки на холме и вокруг него затихли. Над холмом повисла тишина, словно каждый нах в долине затаил дыхание. Клинки стремительно мелькнули в воздухе, и «змея» ударила Ширама клыками в лицо.

Хаста невольно ойкнул и тут же получил такой тычок между лопаток, что упал на колено, едва не угодив прямо на свернувшуюся у ног гадюку. Та недовольно зашипела, но отползла в сторону, не тронув обмершего жреца.

Многоногий «хвост» развернулся. Хаста вновь увидел коленопреклоненного Ширама. По его щекам текла кровь, но саарсан совершенно не обращал на это внимания. Клинок в руках у женщины больше не было – теперь она держала серебряный венец. Хаста неплохо разглядел его. Серебряный обруч из переплетенных змеиных тел – должно быть, двенадцати, по числу родов. Над обручем, на одинаковом расстоянии, виднелись головы с оскаленной пастью, в каждой из которых мерцал драгоценный камень.

Верховная жрица торжественно возложила серебряный венец на голову Ширама – и замерший народ взорвался криками ликования. Хаста осторожно поднялся и вернулся на свое место. А в это время жрицы подвели Ширама к резному камню, усадили на него, окружили сзади полукругом и запели торжественную песнь – как показалось Хасте, почти целиком состоящую из имен, должно быть, предков саарсана.

Между тем саары один за другим подходили к Шираму. Седовласая предводительница рода Бунгар поднесла саарсану меч в посеребренных ножнах. За ней последовали другие. Каждый из глав великих родов нес одно из царских сокровищ, все эти столетия хранимое в родовой башне: кто щит с двенадцатью опалами, кто кольчугу, сплетенную из тысяч свернувшихся серебристых змеек, кто наручи и боевой пояс... После каждого дара накхи с криками ликования колотили оружием по щитам так, что у Хасты начали болеть уши. Он молча следил за обрядом, чувствуя накатившую усталость.

Последней на холм поднялась молодая женщина-воин, одетая в цвета рода Афайя. Хаста не видел ее среди сааров. В руках она держала лунную косу. Изогнутый наконечник грозного оружия был украшен серебряной насечкой, изображающей змеиную голову с широко распахнутой пастью.

«Это же Марга!» – сообразил вдруг удивленный Хаста, вглядываясь в ее лицо, полностью скрытое под боевой раскраской. Неприветливая девица, которая так откровенно тяготилась своим подопечным, теперь с горделивым видом стояла перед Ширамом, облаченная в великолепные доспехи, вручая ему один из знаков высшей власти. Кто она Шираму? Кто вообще такая? Хаста решил непременно выяснить, когда все закончится.

Ширам принял из рук накхи длинное раскрашенное древко и поднял оружие над головой. Под громовые вопли и грохот железа он крутанул лунную косу так, что она на миг превратилась в нападающую змею. Красные камушки, вставленные в металл, полыхнули при свете костров, словно яростные глаза, знаменуя, что после сотен лет покорности в Накхаране наконечник вззошел на престол истинный правитель.

«А ведь прежней Аратте теперь конец, – подумал Хаста. – Даже если завтра утром Аюр найдется и займет трон, и Аюна скажет, что глупо пошутила и без ума от своего нареченного, и Киран повесится в собственной садовой беседке на той балке, на которой я от него прятался, уже ничто не будет прежним. Ширам отныне государь Накхарана, а Накхаран – вольное царство. И неведомо, как теперь все сложится дальше...»

* * *

Всю ночь Хаста не мог заснуть. За узкими бойницами, заменявшими у накхов обычные окна, с грохотом перекатывался через торчащие из воды каменные клыки бурный поток.

Когда рыжий жрец издали увидел родовое обиталище саарсана, у него похолодело в животе, затем в руках и ногах, и спина покрылась липким потом. Он-то полагал, что крепость накхов в столице была угрюмым, малопригодным для жизни местом, – но лишь потому, что прежде не видел гнезда рода Афайя. Посреди стремительной реки, будто длинная, застряв-

шая в горле кость, торчала мрачная скала. По ней уступами почти до самой воды спускались недоверчиво глядящие на округу башни, связанные вместе высокими стенами.

– Надеюсь, добираться туда мы будем не вплавь? – глядя на несущиеся внизу в потоке ключья пены, со вздохом спросил он.

Ширам расхохотался:

– Нет, мы перелетим, как птицы!

– Боюсь, что я окажусь скопой.

– О чем ты?

– Когда рухну вниз, скажи всем, что я отправился ловить рыбу.

Саарсан дружески хлопнул ближнего советника по спине:

– Все будет хорошо. Тебе нечего опасаться.

Хаста хмыкнул:

– Я помню, ты мне такое уже говорил. Перед тем, как я лишился штанов под столичной твердыней накхов.

– Здесь у тебя будет сколько угодно штанов, – щедро посулил Ширам.

Нынче он выглядел радостным, как никогда. Должно быть, возвращение к родному порогу дарило ему отличное расположение духа.

– Я решил написать воззвание и отослать его во все большие храмы Аратты, – сказал он Хасте. – Чтобы знали, с кем и ради чего мы воюем. Ты составишь его. Да, когда будешь писать, одним из условий примирения упомяни прибытие сюда царевны Аюны. Народ Аратты должен знать, что я не просто правитель Накхарана, но и такой же зять покойного государя, как Киран. У многих это наверняка отобьет желание сражаться против нас... Нужно будет также упомянуть, что Киран захватил мою невесту, – это не добавит ему сторонников...

– Мы не знаем, где она, – попытался возразить его друг.

– Царевна могла искать убежища либо у своего дяди Тулума, либо у старшей сестры. Что помешает нам сказать, что Киран удерживает ее силой?

Рыжий жрец с сомнением покачал головой.

– И вот я еще о чем подумал, Хаста, – внезапно сказал Ширам. – До каких пор тебе еще ходить неоперившимся юнцом?

– Насколько я помню своего деда, он и на старости лет не имел перьев, – ответил жрец, насторожившись. – Что же касается юнца – не сочти за неуважение, но я, пожалуй, старше тебя.

– Не делай вид, будто не понимаешь, о чем я говорю! Теперь ты не просто какой-то жрец – ты мой ближний советник. А по нашим законам всякий мужчина, не имеющий жены, – юнец, будь он хоть согнут годами и сед. Как же все прочие накхи станут тебя уважать, когда ты станешь одним из нас? У меня есть несколько сестер, еще не обретших мужа. Я выдам одну из них за тебя.

– Это высокая честь! Но я, как ты верно сказал, жрец. Мне нельзя жениться, – ответил Хаста, с содроганием представляя себе выводок сестер Ширана, мало уступающих саарсану в свирепости нрава. – «Тот, кто живет с женщиной – служит женщине», – говорят в храме. А моя жизнь всецело отдана...

Ширам поднял руку, останавливая его:

– Твой бог Исварха всякий день поднимается в небеса и спускается за край земли. Неужто ты и впрямь думаешь, что он изменит свой ход, если ты наконец станешь настоящим мужчиной? Я не верю, что Исварха велел жрецам оставаться вечными мальцами. Уж скорее это придумали сами жрецы, чтобы гомон спорящих в храме жен не мешал им петь гимны! – Саарсан возвел взгляд к небу и лукаво добавил: – Может, ты расскажешь мне, чем таким занимается Исварха ночью, если поутру его лик выглядит таким раздурманенным?

Хаста едва сдержал улыбку, стараясь во что бы то ни стало сохранять благочестивое выражение лица.

Ширам ухмыльнулся и заговорил снова:

– Накhini совсем не таковы, как взбалмошные и надменные женщины арьев. Впрочем, что мне тебе рассказывать? С одной из моих сестер ты уже познакомился.

– О ком ты говоришь?

– Ну как же, Марга. Она опекала тебя на совете вождей. Разве она не прекрасна?

Хаста поперхнулся:

– Сама кротость! Нежна, как весенний цветок...

Саарсан в недоумении уставился на советника:

– А, это ты шутишь. Конечно, Марга не станет щебетать подле тебя, как глупая пташка. Зато она будет защищать твою родовую башню и как должно воспитает твоих детей. Если ты будешь ранен в бою, она встанет над тобой с оружием в руках, не давая врагу тебя добить. Она излечит твои раны и будет править твоими землями, пока мы в походе. Она порадуетя вместе с тобой богатой добычей, взятой в набеге, но никогда не станет выпрашивать подарки...

– Честно сказать, я бы хотел как-то обойтись без ран на поле боя, – пробормотал Хаста, запуская пятерню в свои буйные космы. – Даже если надо мной будут стоять все ваши девы...

Хвалебная речь Ширана во славу накhini привела его в крайнее замешательство. Какие дети? Зачем ему башня?! Разве что прятаться в ней от такой жены, как эта Марга...

– Мы отправляемся на войну, друг мой, – сказал Ширам. – А там бывает всякое.

– Кстати... – Хаста вспомнил еще кое-что. – Тебе придется объяснить сестре, что старшей женой у меня будет мохначиха.

– Это еще почему?

– Ты же не забыл о моей клятве? Я обещал Айхе провести с ней целый год. Я дал слово и не хочу гневить Исварху!

Ширам нахмурился, утрачивая от этого напоминания доброе расположение духа.

– Я буду думать, – буркнул он.

Рыжий жрец тайком вздохнул с облегчением, стараясь не глядеть на приближающуюся твердыню рода Афайя. Первая мысль, явно доставшаяся ему в наследство от нищего мальчишки, обитавшего на яблонях в чужом саду, была: немедленно сбежать. Войско накхов готовилось к походу – небывалому походу, которого еще не знала Аратта. Не то чтобы прежде Хасте не доводилось ходить с войсками, но он старался держаться в стороне от битв. Удавалось не всегда. И хотя каждый раз небо спасало его, он никогда не переоценивал себя.

Теперь же его ждала совсем иная доля. Он должен был занять место не кого-нибудь, а самого верховного жреца. И дел-то всего ничего – заставить настоятелей храмов Солнца принять и признать вождя враждебных змеепоклонников блюстителем трона Аратты!

Пожелают ли его слушать? Не вызовет ли это раскола? Найдет ли он верные слова, чтобы грядущий поход в защиту законного наследника не превратился в обычный кровавый набег?

«Но если быть честным – какое мне дело до того, что накхи учинят в землях Аратты? – по привычке возражал он сам себе. – Разве Аратта когда-то была ко мне милостива? Когда б не прихоть Исвархи и доброта святейшего Тулума, я бы уже давным-давно был мертв! А если бы и выжил, наверняка бы бродяжничал, потешая народ на торжищах...»

Подумать только – он, бывший нищий сирота, доверенный лазутчик верховного жреца, вдруг стал одним из вершителей судеб страны!

Мост внезапно появился из-за поворота узкой тропы. Каких-то два каменных выступа – и перекинутые между ними хлипкие деревянные мостки, прогибающиеся под ногами воинов и копытами скакунов. Накхи спешили и, бросив поводья на руки ожидающих у моста коноводов, один за другим начали переходить мост. Хаста невольно вцепился в локоть Ширана и пошел за ним, прикрыв глаза, над реющим в пропасти потоком.

– Мы провалимся... Вот сейчас точно провалимся... – бормотал он себе под нос, представляя, как мостки с треском ломаются и все, кто идет по ним, летят в заглушающую крики студеную воду.

– Едва ли, – раздался рядом насмешливый голос Ширама. – По крайней мере, на моей памяти такого не бывало.

От подобных утешений у Хасты и вовсе подкосились ноги. Саарсан подхватил его и потащил за собой, так что жрец едва поспевал за ним.

– Отдохни, ты утомился с дороги, – заботливо сказал Ширам, велев одному из поспешивших навстречу воинов проводить почтеннейшего советника в отведенные ему покои.

Признаться, эту продуваемую насквозь холодную каменную конуру даже не привыкший к роскоши Хаста с трудом мог назвать гостевыми покоем. Единственное, чего здесь было в избытке, – это оружие. Оно висело на каменных стенах со всех сторон: копья, боевые топоры, лунные косы, дроты, круглые щиты с чеканкой в виде нападающих змей... Под неизменным раскрашенным двенадцатиглавым змеем, стоящим на почетном возвышении, из черного смоляного камня торчал светлый, как месяц, клинок.

Посреди всего этого «великолепия» стояло нечто вроде длинного ящика, застланного, а вернее сказать, заброшенного медвежьими и волчьими шкурами. Ничего больше здесь не было: оружие на стенах, алтарь, скрипучая лежанка и ветер, по-хозяйски гуляющий под сводом и подвывающий в бойницах.

Хасте не спалось. В какой-то миг ему начало казаться, что развешанное по стенам нахское великолепие тянется к нему, желая напиться его крови.

– Что я тут делаю? – шептал он себе под нос, крутясь с боку на бок под ворохом шкур. – Зачем я тут? Чем я так прогневил Исварху, что он загнал меня в места, где лишь в полдень можно увидеть солнце? Ну да глупо ждать, что он бросит все, раздвинет небесный мрак и явится сюда, чтобы ответить... Что ж – как обычно, выкручиваться придется самому...

«Можно было бы сказать, что все порученное мне святейшим Тулумом уже выполнено, – раздумывал он. – Я добрался до Ширама, передал ему предложение о союзе и теперь со спокойным сердцем могу возвращаться в столицу. А дальше уже не мое дело. Будет война, и пусть Господь Солнце подарит победу достойнейшему... Но как-то глупо получится – побулькал, будто вода в котелке, и сбежал? Выкипел?»

Хаста тяжело вздохнул и зарылся глубже в шкуры.

«Завтра поутру вожди нахов придут сюда и, принеся жертвы своей матери-змеице, отправятся в поход. Сколько людской крови прольется почем зря! Я могу сделать, чтобы этой крови было меньше... Могу постоянно напоминать Шираму, что он воюет не против Аратты, а за справедливость. Он послушает меня...»

Жрец поглядел на воткнутый в смоляной камень меч, сияющий в темноте, словно молодой месяц.

«Ладно, будь что будет – останусь. Надеюсь, святейший Тулум будет мной доволен... Интересно, чем я так обидел Ширама, что он решил отдать меня на растерзание своей лютой сестрице?»

Тут ему снова припомнилась Айха – милая и нежная, с костями птиц, вплетенными в спутанные рыжие волосы. Он дал ей слово и должен его сдержать – иначе Исварха будет глух к прочим его словам. Но как и когда?

В задумчивости он прислушался к завываниям ветра, и они напомнили ему плач мохнатых, уезжавшей прочь от границ Аратты. Как и когда?...

Рев боевых труб вдалеке на миг заглушил ветер.

«Ну вот и все – саары ведут свои отряды. Быть может, завтра мы выступаем».

Глава 4

Лесная засада

Носилки накренились и начали опрокидываться. Аюна вскинула руки, пытаясь хоть за что-то ухватиться, и наконец-то ей попался под руку ее лук. Царевна, ни о чем не думая, кинула стрелу на тетиву и выскочила из кренящихся носилок на землю. Она едва не упала, но все же ухитрилась встать на ноги – а когда выпрямилась, прямо перед ней возникла раскрашенная оскаленная бородатая морда, какая прежде не могла ей привидеться и в страшном сне. Аюна мгновенно натянула лук и выпустила стрелу. Тут ее с силой толкнули в плечо, и стрела свистнула мимо орущего разбойника. В следующий миг оружие вырвали из пальцев царевны. Жесткие руки схватили ее и грубо поволокли с дороги в лес без малейшего почтения к ее божественному происхождению.

Аюну охватило негодование. Даже Ширам, потерявший разум от ярости в тот памятный день, обошелся с ней более почтительно. Эти дикари обезумели! Они жестоко пожалеют!

– Отпустите! – закричала она, отчаянно вырываясь. – Вы знаете, кто я? Вас всех казнят!

Но никто ее не слушал. Откуда-то сзади неслись вопли ужаса и боли, звон оружия, топот, воинственные выкрики и треск кустов... Что за дерзкие разбойники? Должно быть, те самые лесные венды, о которых последние дни с опаской шептались служанки. Аюна когда-то видела в столице воинов вендской стражи – да, именно так они и выглядели. Длинные светлые волосы, белые и синие узоры на лицах, бороды, заплетенные в косы... Дикари, с которыми воевал Киран. Но он же победил их... Видимо, не всех?

Разбойнику, который тащил упирающуюся Аюну, надоело с ней бороться. Он заломил ей руку так, что она упала на колени и взвыла от боли.

Над ее головой раздался резкий приказ на незнакомом языке. Аюну сразу отпустили. Она упала на усыпанную листьями землю, перекатилась и тут же вскочила, тяжело дыша и пытаясь пальцами пригладить взлохмаченные волосы. На зубах у нее хрустел песок, платье помялось и испачкалось. Аюна подумала, что, должно быть, выглядит таким же лесным пугалом, что и захватившие ее разбойники.

Она подняла взгляд и увидела перед собой высокого худого венда. Длинные с проседью волосы сосульками падали ему на лицо, но сам он, похоже, не был стар – хотя это было трудно понять под густой темно-синей раскраской. Его холодный взгляд неожиданно помог царевне успокоиться.

Долговязый что-то сказал одному из своих воинов. Аюна услышала свое имя и знакомое слово «сварга».

– Ты дочь Солнца? – перевел толмач, обращаясь к ней на довольно чистом языке Аратты.

Аюна кинулась к нему и схватила за руку, сама едва осознавая, что делает.

– Что вы такое творите?! Я царевна Аюна, а это мои люди! Да как вы только осмелились поднять руку на дочь Исвархи?! Вы знаете, что с вами теперь будет? – Она быстро думала, чем бы припугнуть дикарей. – Если не прекратите разбой, Исварха отвернется от вас и Первородный Змей пожрет вас во тьме! Немедленно отпустите моих людей!

Толмач быстро переводил ее слова. Долговязый венд слушал и кивал с очень довольным видом.

– Дочь Солнца, – произнес он на искаженном почти до неузнаваемости языке Аратты. – Хорошо!

Он оглянулся на своих людей и, махнув рукой, что-то прокричал им. Аюна поняла, что он их поторапливает. Но тут ему в ответ донесся нестройный восторженный вопль.

– Накхи! – вопили венды. – Накхи!

Что такого радостного в накхах, царевна не поняла. Эти четверо молодых воинов, раненных в последней битве, ехали в обозе в качестве дара ее свирепому жениху. Хотя их и везли в клетках, но одним своим присутствием они доставляли немало беспокойства охране. Когда Аюна впервые увидела их, то в недоумении спросила свою телохранительницу Янди, для чего нужны все эти решетки, если накхов все равно возвращают на родину. Та вначале удивленно воззрилась на госпожу, а затем без стеснения расхохоталась:

«Для них вернуться домой в колодках, в клетке, подобно зверям, – величайшее унижение. Не сомневайся, если они ухитрятся освободиться, то перебьют здесь всех. И тебя, солнцеликая».

«Зачем меня?» – изумилась Аюна.

«Лишь ради того, чтобы вернуться в свой дом с честью и славой...»

Сейчас, судя по застывшим лицам накхов, они отнюдь не разделяли радости вендов от встречи. Разбойники с хохотом тыкали сквозь прутья древками копий. Пленники глядели в никуда, даже не пытаясь защититься от ударов.

Но где охрана, которая всегда была рядом с ними? Царевна, тут же забыв о накхах, завертела головой, однако не увидела никого из своих людей. Где воины, где вся ее свита? Стряпухи, служанки, конюхи? Где, в конце концов, Янди, которая должна ее защищать?!

Наконец она увидела тела в траве и с ужасом осознала, что свиты у нее больше нет. Тех воинов ее охраны, кто еще пытался сопротивляться, быстро и безжалостно добивали у нее на глазах.

– Пойдем! – бросил на том же ломаном языке худой верзила, протягивая к ней руку.

– Нет! – Аюна отшатнулась. – Не тронь меня!

Тот что-то раздраженно бросил и отошел.

– Шерех говорит, ты должна идти с нами, царевна, – подал голос толмач. – Иначе тебя потащат на шесте, как связанную оленуху, а в этом мало чести. Лучше бы тебе послушаться.

– Вы пролили кровь воинов Аратты и подняли руку на дочь Солнца! – прошипела Аюна, сверкнув глазами. – Теперь вы все осуждены и прокляты!

Толмач усмехнулся:

– Все не так! Это Сварга послал тебя Шереху. Возблагодарим милость неба!

* * *

Двое разбойников волокли Янди вверх по склону, явно выбирая укромное место. Янди не сопротивлялась. Лишь обреченно причитала, умоляя отпустить ее. Драться в честном бою с целой ватагой ей вовсе не хотелось. А то, что приятели этих двоих несколько огорчатся, когда увидят рядом с ней трупы своих сородичей, она не сомневалась.

Когда шум боя отдалился, один из бородачей, с вонючей шербохатой пастью, оттолкнул второго и пихнул Янди под куст, запуская лапищу ей за пазуху. Он так и не успел понять, когда поднятые в умоляющем жесте ладони девушки резко ударили его по ушам, – вскинул голову, выкатил от боли глаза и умер. Скрытый в рукаве платья Янди длинный бронзовый шип воткнулся ему в гортань.

Труп душегуба обмяк, навалившись всей тяжестью на девушку. Она уперлась в него, будто отталкивая, и закричала, одновременно на шаривая на его поясе нож. Когда костяная рукоять оказалась у нее в руках, она умолкла, всхлипывая. Теперь оставалось только дожидаться.

– Да хватит уже, сколько можно!

Второй дикарь наклонился, схватил приятеля за плечо, отталкивая тело. Застыл, осознав, что разговаривает с мертвецом, – а в следующий миг упал с костяной рукоятью, торчащей из затылка.

«Готово», – удовлетворенно отметила Янди, гордясь чистой работой.

Она не спешила вставать, лишь подняла голову, прислушиваясь и глядя сквозь ветви кустов на дорогу. Схватка уже закончилась. Девушка услышала поблизости бурный всплеск ликования и поняла из возгласов, что венды обнаружили в обозе четырех накхов, которых Киран послал с Аюной. Янди невольно посочувствовала их грядущей участи. Да уж, лучше им было погибнуть в той битве!

Из зарослей доносились крики и визг служанок. Одни венды уводили с дороги коней, другие обшаривали мертвые тела. Еще трое волокли вверх по склону упирающуюся Аюну.

«Если бы хотели с ней позабавиться – далеко бы тащить не стали, – раздумывала Янди. – Значит, царевна зачем-то нужна им целая и нетронутая. Необычная засада! Наверняка они знали, кого ждут...»

Между тем дорога опустела. Мертвецов оттащили в лес, приданое Аюны вместе с выючными мулами исчезло, будто его и не было. Пожалуй, уже завтра никто не догадается, что в этом месте было побоище.

– Эй! – послышалось вдруг совсем рядом. – Давайте поторапливайтесь!

Янди упала в траву, прижалась к ближайшему трупу и вновь завизжала. В ответ раздался дружный хохот и шорох листьев под ногами. Должно быть, набегчики решили не дожидаться сородичей.

Когда шаги совсем затихли, Янди резко оттолкнула тело насильника, села и принялась тщательно вытирать окровавленный нож об одежду своей жертвы.

– Беспомощной деве опять пришлось самой постоять за себя! – с укором приговаривала она, обращаясь к отсутствующему собеседнику. – Где тебя носит, Элори? Почему вчера тебя не было на постоялом дворе? Небось опять влез в поножовщину, головорез ты этакий, и теперь где-то зализываешь раны? Сейчас, когда ты так нужен мне здесь...

Она стряхнула с волос сухие листья, села поудобнее и задумалась, глядя перед собой неподвижным взглядом прозрачно-зеленых глаз. Многие из очарованных ею мужчин сравнивали их с кошачьими, но точнее было бы назвать их змеиными, да и самой Янди в глубине души это польстило бы куда больше.

Что дальше?

Надо выручать Аюну, да поскорее, пока венды не ушли за реку, в глубину своих бескрайних чащоб. Без царевны к Шираму не подобраться. В памяти лазутчицы возник образ отбивающейся от вендов девушки. Аюна, похоже, не вполне понимала, в какую попала переделку, – она гневно кричала на разбойников, требовала отпустить, грозила смертью. Ясное дело, ничего, кроме смеха, эти угрозы у тащивших ее бородачей не вызвали. Но все же девчонка не сдавалась.

Куда хуже, если бы она молила о пощаде и ползала у вендов в ногах, пытаясь разжалобить. Янди не раз видела, как люди поразительно меняются в миг смертельной опасности. Могучие мужи порой начинали хныкать и молить о пощаде, а такие изнеженные девчонки, как Аюна, проявляли удивительную силу духа. Да, так гораздо лучше!

Впрочем, для чего лучше?

Янди криво ухмыльнулась, прислушалась, нет ли поблизости еще какого-нибудь замешкавшегося ублюдка, и принялась обшаривать трупы.

«Только для того, чтобы подобраться поближе к Шираму!»

Янди достала из ножен на поясе у одного из мертвецов длинный нож и повертела его в руке, стараясь почувствовать жизнь в этом куске железа.

«И вот тогда я наконец исполню свою заветную мечту. Я увижу в его глазах недоумение и ужас...»

Найденный ею клинок был скверным, но все же проткнуть им человека можно было не хуже, чем подточенным оленьим рогом. На первый случай сойдет.

Девушка оставила дальнейшие поиски и скользнула к еще свежему, незатоптанному следу. Кое-где на траве виделись кровавые отметины. Наверняка у вендов есть раненые. Далеко они не пойдут – погони не ждут, откуда бы ей взяться? Доберутся до какой-нибудь речушки или ручья и там остановятся на ночлег.

Следы пересекали дорогу и уходили в густой лес, на закат. Янди быстро догнала набегчиков и тихой куницей последовала за ними, старалась держаться чуть позади. Впереди за деревьями слышались голоса – венды время от времени окликали друг друга. Иногда звучало имя Шерех, – должно быть, так звали вождя. Но что у него в мыслях – оставалось лишь догадываться.

* * *

Еще не начало смеркаться, когда венды вышли к загодя устроенному на лесной поляне стану. Он не был огражден частоколом, как чаще всего делали в Аратте. Да и станом его можно было назвать лишь потому, что в ямах тут горело несколько костров, а вокруг них виднелись сложенные из длинных жердей и веток походные наметы. Янди подкралась так близко, как могла. В то время, когда победители с радостными криками выходили на поляну, она мигом забралась на росший на ее краю кряжистый дуб. Венды очень внимательно относились к деревьям, растущим подле даже временного их обиталища. Никогда бы они не встали на ночевку в осиннике или ельнике, опасаясь навлечь на себя несчастье. И всегда старались найти дуб, древо воинов, чтобы живущий в нем могучий дух защитил их от бродящей в ночной тьме нечисти.

Пленников венды захватили совсем немного – царевну, нескольких ее служанок и четырех нахов, которых притащили на шестах, будто дичь. Впрочем, их судьба совсем не занимала Янди. Куда важнее была Аюна. В отличие от служанок, платье на ней было не изодрано, на лице не было видно ни синяков, ни ссадин, и даже золотые украшения остались при ней. Глаза царевны сверкали гневом. Она вертела головой, явно пытаясь определить вожака.

Янди задавалась тем же вопросом. Седоватый верзила, тот самый Шерех, который привел отряд, вовсе не был вождем. Сейчас для лазутчицы это стало очевидно. Раскраска лица, ожерелье на шее, плащ на плечах и вышивки на вороте и запястьях ясно говорили ей о том, что он высокого рода и убил много врагов. Но положение его в племени Янди так понять и не сумела. Он был будто сам по себе. Очелье, украшенное волчьими клыками, наводило на мрачные мысли. Пожалуй, ей бы не хотелось встретиться с ним в бою.

– Что бы все это значило? – хмурясь, пробормотала она себе под нос.

Возле царевны торчала пара сторожей. Но где тот, для кого предназначалась добыча? Либо он желал показать, что непричастен к нападению, либо участвовать в разбойничьей засаде ему было не по чину. Должно быть, венды собирались увезти дочь Ардвана вглубь своих земель для какого-то большого вождя. Это совсем некстати...

Лазутчица на глазок посчитала места под наметами. Другой засады нет – мест чуть больше, чем воинов на поляне. Верно, сегодня же, самое позднее – завтра на заре, они будут уходить. Задуманное прошло удачно – засиживаться вблизи дороги им смысла нет. Действовать нужно быстро...

Янди перебирала в уме возможные способы выручить Аюну, когда венды начали делить добычу. Быстро управившись с приданным царевны, они обступили нахов и принялись оживленно придумывать, что с ними сделать. Предложение разорвать их, по собственному нахскому обычаю, согнутыми деревьями показалось Янди самым милосердным из услышанного. Но тут в круг вышел Шерех и громко заявил:

– Они же змеи. А змеи должны менять кожу! Так поможем им сделать это!

Венды разразились одобрительными воплями. Янди поморщилась – она знала, что произойдет дальше. Изысканные столичные поэты, в недолгую пору увлечения государева двора всем вендским, прославляли «детей леса» как воплощение чистой жизни в объятиях матери-природы, проводящих время в разговорах с деревьями и песнях над ручьями. Но Янди, которой приходилось жить среди них, подобные выдумки казались смехотворными. Венды были не хуже и не лучше прочих диких племен Аратты. Снять кожу с врага или, намазав его медом диких пчел, засунуть в муравейник для них было обычной и любимой забавой. Поскольку накхов дети леса ненавидели лютой ненавистью, то сейчас от них следовало ожидать особой жестокости.

Лазутчицу больше занимало совсем иное. Увлеченные приготовлениями к казни венды наверняка забудут про Аюну, оставив ее на попечение пары стражей. Но и тем будет не до царевны, ошеломленной происходящим. Самое время подкрасться и прикончить лесовиков. Только бы Аюна не заорала с перепугу!

Янди, прищурившись, поглядела в дальний конец стоянки, прикидывая, как лучше пробраться туда и подать знак. Царевна уже перестала вырываться и кричать – теперь она сидела тихо, и лицо ее было бледнее поганки. Кажется, она начинала понимать, к кому попала...

Раненые накхи, стиснув зубы, молчали, чтобы не порадовать врага проявлением слабости. Шерех что-то сказал толмачу.

– Поднимите их! – распорядился тот.

Шерех подошел к одному из них, по виду старшему, достал из ножен короткий треугольный саконский нож с клыком неведомого зверя вместо рукояти и, оскалившись, о чем-то спросил.

– Шерех спрашивает, ты ведь знаешь, что это такое? – начал переводить толмач. – Наверняка знаешь? Кто-то из законов сковал его для одного из вас. Шерех снял его с тела твоего сородича и к этому мертвецу добавил еще десяток...

Долговязый венд замолчал, вглядываясь в лицо накха, надеясь увидеть испуг в его глазах. Но тот стоял, пошатываясь в руках врагов, и смотрел на ветви дуба, точно любясь его резной листвой. С первых шагов накхов учили убивать и терпеть боль, и сейчас наступал тот миг, к которому каждый из них готовился всю жизнь.

Янди вздохнула. Она и сама зачастую причиняла людям боль, чтобы узнать нужные ей тайны, однако мучения жертв не доставляли ей удовольствия. В этой жизни она мечтала только об одной мученической смерти. Мечтала увидеть, как умирает беспомощный, раздавленный Ширам...

Накх вдруг повернулся к Шереху, ловя его взгляд. Тот отшатнулся и с силой ударил его по лицу. Из рассеченной брови на траву брызнула кровь.

– Не смотреть в глаза! – рявкнул толмач.

Янди не видела в тот миг лица накха, но могла поклясться, что тот улыбается. В свои последние мгновения ему удалось испугать врага посмертным сглазом, который не снять никакими заклятиями или очистительными обрядами.

Она задумалась ненадолго, и тут внизу раздалось:

– Шерех приказывает начинать. Тащите его сюда! Подвесить его за косу!

Лазутчица поглядела вниз и с досадой обнаружила, что венды тащат старшего накха прямо к ее дереву. Янди хорошо разглядела посеревшее от боли лицо и длинную черную косу с вплетенной в нее белой лентой.

«Как неудачно!» – подумала девушка. В этот же миг один из молодых вендов подпрыгнул, ловко ухватился за ветку, на которой сидела Янди, прижавшись к стволу, подтянулся и опешил, увидев ее.

В следующий миг он рухнул под ноги собратьев с торчащей из глаза рукоятью ножа. Не давая вендам опомниться, Янди сиганула наземь, кувыркнулась и стремглав бросилась прочь от места расправы.

– Там девчонка! – послышался за ее спиной крик одного из вендов. И чей-то приказ: – Ты и ты, поймите ее!

«Всего двое», – удовлетворенно отметила Янди.

Лишь бы остальные не увязались!

* * *

Бег по незнакомому лесу, не разбирая дороги, – дело опасное и порой сулящее крайне неприятные неожиданности. Ветка может хлестнуть по глазам, можно подвернуть ногу, попав в нору, или споткнуться о торчащий корень, или угодить в силки, какие всегда стоят на звериных тропах. Но сейчас у Янди выбора не было. Дети леса слишком хорошо разбирались в следах, чтобы дать ей возможность спрятаться и пропустить преследователей вперед. К тому же венды, в отличие от нее, наверняка знали местность. Янди заметила: они пытались развернуть ее, отрезать от дороги. Они гнали ее, как козлу.

«Гонят к болоту? – на бегу прикидывала Янди. – Никаких болот здесь быть не должно, а вот речушка, кажется, имеется... Ну конечно – к обрыву! Ладно, пусть так...»

Осознание того, что она разгадала замысел врага, придало девушке новых сил. Вдали за деревьями уже слышался плеск и журчание быстрого потока. Ну же, ну же!..

Янди озиралась по сторонам, выискивая подходящее дерево. Где?

А вот и оно, – как и ожидала девушка, почти над самым обрывом, на дне которого на перекатах шумела речка, высилось раскидистая старая ива, склонившая ветви над потоком. В одно движение сдернув с себя легкую свитку, Янди запустила ее вниз и завопила что есть сил, с удовольствием слушая, как эхо подхватывает ее «прощальный крик». Подбежавшие к берегу венды уставились с обрыва вниз, провожая глазами уносимую потоком свитку. И пропустили тот миг, когда Янди мягко спрыгнула наземь с дерева и резким толчком на выдохе нанесла им по удару в середину спины. Не удержавшись на краю обрыва, венды рухнули вниз.

Налетевший с реки порыв студеного ветра унес их крики. Янди тяжело дышала, успокаивая дыхание после бега. Ей было жарко, несмотря на осенний холод. Да, нынче она могла быть довольна собой! Один из тех ударов, которым некогда учила ее наставница, в очередной раз спас ей жизнь.

«Если у тебя щит, – говаривала наставница, – то пусть враг думает, что это только щит».

Женщина брала маленький круглый щиток с острым шишковатым навершием и била вот так же на выдохе в подвешенную кабанью тушу. Слышался знакомый треск – это ломались ребра.

«Если ты так ударишь в грудь врагу, то легко остановишь его сердце, даже если на нем будет доспех. Если ударишь в спину – сокрушишь весь столп его жизни. Ты можешь так же расколоть голову, пробить кадык и поломать колено. Но...»

Тут на лице наставницы, изуродованном шрамами, появлялась мечтательная улыбка.

«...все то же самое ты сможешь делать и без щита. Запомни: бой без оружия – это то же, что бой с оружием. Главное не то, что у тебя в руках, а то, что в тебе».

Она подходила к другой кабаньей туше и наносила удар раскрытой ладонью. И снова раздавался треск.

Янди хорошо помнила ее уроки. Она била, била и била. Сначала руками в песок. Потом по глиняным черепкам. Потом мягкий пористый камень, из которого в долинах делали дома. Била, представляя перед собой лица ужасного Гауранга и его ненавистного сына.

Глава 5

Нежданная встреча

Янди стояла на берегу реки и считала, загибая пальцы. «Еще двумя меньше», – думала она, припоминая, сколько всего вендов было в лесном стане. Сегодня она уже прикончила пятерых, а день еще не закончился. Если так пойдет и дальше... Она прикрыла глаза и улыбнулась, представляя, как повеселится ночью.

Внезапно ее наметанный глаз уловил движение. Сбоку, в ближайших кустах. Это не был человек. Среди желтеющих листьев мелькнуло что-то рыжевато-серое, пятнистое.

И еще она почувствовала, что существо охотится.

«Это не рысь, – мигом сообразила девушка. – Оно больше. И рысь бы притаилась на ветке...»

Прежде чем додумать мысль, Янди оказалась на ветке сама. В тот же миг зверь прыгнул. Скакнул из-за куста и разочарованно замяукал, обходя дерево по кругу и мотая коротким, будто обрубленным, хвостом.

«Это же саблезубец! – ошеломленно сообразила Янди. – Только очень молодой!»

Поистине удивительные дела творились в этом лесу! Саблезубцы во всей Аратте водились в одном-единственном месте – на скалистом северном плоскогорье, что называлось Змеиный Язык, неимоверно далеко от вендских земель. Откуда здесь саблезубец?!

Скорым ответом на ее незаданный вопрос из чащи появился широкоплечий коренастый парень с копной соломенных волос до плеч. Выглядел он сущим дикарем, однако ни одеждой, ни лицом не походил на венда.

– Куда ты побежал, Рыкун? – прикрикнул он, озираясь. – Это здесь орали?

Янди моргнула – у незнакомца был превосходный столичный выговор.

– О пресветлый Исварха во всех его воплощениях, – сообразив, с кем имеет дело, пробормотала она себе под нос. – Да ведь это Аоранг!

Хотя она неоднократно видела в столице необычного любимчика верховного жреца, из-за которого на царскую семью обрушилось столько бед, доселе общаться им не приходилось. Но что же он тут делает?

Янди фыркнула. Отправился по следу своей царевны, что же еще! Поистине они оба одержимые! Аюна вздыхала по нему всю дорогу, полагая, что никому это не заметно, и гордясь своим самообладанием. Подобные возвышенные чувства были Янди совершенно незнакомы и не вызывали у нее ничего, кроме насмешек.

Но как ей вести себя с ним дальше? Лазутчица вспомнила их последнюю встречу в дорожной веже в ту ночь, когда ей не удалось прикончить Ширама. Заметил ли ее тогда мохнач, запомнил ли?

«Кажется, ему было не до того – он держался в стороне от накха и царевича. Да и если заметил краем глаза, опознает ли сейчас во мне разбитную служанку с постоянного двора, наряженную бьяркой? В любом случае придется это проверить. Не вить же мне гнездо на этой ветке!»

Янди окинула Аоранга оценивающим взглядом. Широкоплечий мохнач стоял шагах в десяти, прислушиваясь и, кажется, принюхиваясь. Уж не чует ли он ее, как дикий зверь? Пожалуй, этот здоровяк со своей ручной зверюшкой может ей пригодиться...

Она мгновение помедлила, прикидывая, кем лучше предстать перед Аорангом, и испуганно закричала:

– Эй! Кто бы ты ни был, отзови своего зверя!

Аоранг задрал голову, вглядываясь в листву:

– Кто ты?

– Я всего лишь девушка! Служанка царевны Аюны!

– Аюны? – Глаза мохнача расширились. – Рыкун, сюда! Скорее слезай, он тебя не тронет.

– Точно не тронет? – с деланным страхом уточнила Янди, по привычке измеряя расстояние до хищника и прикидывая, чем лучше его ткнуть, если он все же решит снова прыгнуть.

Она понимала, что подрастающий звереныш лишь играет, но становиться его игрушкой вовсе не собиралась.

– Обещаю, слезай.

– Я узнала тебя!

Девушка соскользнула с дерева и быстро заговорила, не давая мохначу задуматься:

– Ты же Аоранг, приемыш святейшего Тулума! Ты приходил к моей хозяйке...

Юноша постарался вспомнить лицо этой миловидной зеленоглазой служаночки. Та же трещала без умолку:

– Как хорошо, что я встретила тебя, Аоранг! Я сопровождала царевну в Двару, по пути на нас напали разбойники. Они убили охрану и захватили многих служанок... Мне удалось спрятаться и спастись... Но моя госпожа, солнцеликая царевна...

Девушка всхлипнула.

– Что?!

– Она осталась у них в плену...

Янди махнула рукой в сторону вендского стана, рассчитывая, что вот сейчас мохнач заорет: «Где они?!» – и ринется освобождать свою драгоценную царевну. Как раз то, что ей нужно! Пока венды будут расправляться со зверовидным парнем и его кошкой, она спокойно уведет Аюну, предоставив воспитаннику верховного жреца возможность героически погибнуть за любимую.

Аоранг не обманул ее надежд. Едва прозвучали ее слова, как светло-рыжие волосы дикаря вздыбились и глаза блеснули такой яростью, что саблезубец невольно шарахнулся, падая к земле.

– Где они? – рявкнул он.

– Там! Я покажу место! – вновь защебетала Янди. – Я потихоньку шла за ними следом, но они заметили меня... Они пока ничего не сделали царевне...

Но Аоранг не пожелал слушать дальше.

– Веди меня туда! Скорее!

* * *

Аюну била дрожь, но царевна, стискивая зубы, пыталась унять ее. Происходящее вокруг никак не укладывалось в сознании. Еще совсем недавно самым худшим, что ожидало ее впереди, был брак с ненавистным саарсаном. Стать женой свирепого накха, провести жизнь заперти в позабытом Исвархой горном краю, навеки оторванной от всего, что было мило ее сердцу, и никогда больше не увидеть Аоранга...

Но судьба подготовила ей нечто похуже. Сидя с застывшим лицом на волчьей шкуре, Аюна старалась держаться прямо, даже надменно, скрывая терзавший ее животный ужас. В стороне, под навесами из лапника, нимало не заботясь об уединении, косматые лесные дикари насиловали рыдающих служанок, подбадривая друг друга веселыми возгласами. Аюна не понимала их речи, но раскаты хохота не оставляли сомнений в том, что разбойники развлекались от души. Царевна попыталась вмешаться, но стражи заставили ее сесть на место. Что ж, по крайней мере, они не увидят, как она плачет...

Поблизости другие дикари устроили шумную возню. Столпившись вокруг пленных накхов, они о чем-то отчаянно спорили. Накхи лежали в траве неподвижно, все в крови от поре-

зов и побоев. Их руки были связаны и заломлены за спину, однако разбитые лица казались удивительно спокойными, точно смерть не стояла сейчас прямо над ними.

Спор длился недолго. Подхватив одного из накхов, венды потащили его к стоящему у опушки дубу. То, что произошло дальше, на краткий миг вселило надежду в сердце Аюны. Дерево вдруг словно ожило; полезший на ветку длинноволосый парень рухнул вниз с ножом в глазнице. Затем царевна увидела Янди – та мелькнула в листве стремительной белкой, прыгнула с дерева и исчезла в чаще. Предводитель лесных дикарей рывкнул, посылая за ней пару человек в погоню, и вернулся к прерванному занятию.

Аюну мутило. Она пыталась задавить в себе ужас и растерянность, силилась взять себя в руки и не смотреть, что дикари творят с накхами. Те быстро и умело, явно не в первый раз, подвесили пленников за косы на ветках дуба. Они ловко делали надрезы и полосками снимали с накхов кожу, оставляя нетронутыми лишь их искаженные смертной мукой лица. Кажется, венды состязались, кто сорвет полоску коже подлиннее. Накхи корчились, но все же молчали, хотя лишь Исвархе было известно, как это им удастся.

Лишь один вдруг прервал молчание и запел – что-то непонятное, тоскливое, но очень угрожающее, словно проклятие. Песня его оборвалась только в тот миг, когда остановилось сердце, – он дернулся и умолк. Но шипящие слова продолжали звучать в ушах царевны.

Она встречала прежде этого молодого воина, он был одним из Жезлоносцев Полуночи. Аюне вдруг показалось, что с его смертью оборвалось все, что связывало ее с прежней жизнью. Со столицей, дворцом, величием Аратты. Остался только этот лес в чужой земле, кровь, грязь, раскрашенные дикари... И она – кто она теперь?

«Нет, не смей! – одернула она себя. – Ты дочь государя Ардвана, пусть он и мертв!» Ее отец был воплощением Исвархи на земле, и в его детях тоже течет священная кровь. Венды не тронули ее и оставили при ней служанок. Даже дикари осознают, кто она такая!

А значит, тут, среди врагов, она должна показать, что такое истинная доблесть. Ведь еще несколько поколений назад, пока в Аратте не воцарился вечный мир, вся жизнь арьев была войной. Аюне представилось, как ее предки ведут легкие колесницы через просторы чужих степей, бросая вызов всякому, кто им встретится, побеждая или погибая.

«А если бы Господь Солнце рассудил иначе, я могла бы сейчас быть повелительницей накхов. Кто-то из них наверняка был бы мне родней. Я не могу быть слабее их, мне нельзя плакать!»

Она кинула взгляд на жавшихся под навесами служанок – избитых, в растерзанных одеждах, с ужасом глядящих на живодеров. Это ее люди, и она за них в ответе. Царевна подавила тяжкий вздох. Всех этих перепуганных девчонок, приставленных к ней волею сестры, она бы с радостью сменяла на одну Янди. Но та сейчас спасает свою жизнь где-то в лесу.

«Исварха, дай ей силы!»

Аюна хорошо запомнила их первую беседу. В ту ночь – первую ночь после выезда из столицы – царевна, отослав прислугу, сидела в своем шатре, закутавшись в одеяло и предаваясь горестным размышлениям. Вдруг полог отодвинулся и внутрь без зова вошла одна из ее новых служанок. Неторопливо поклонилась и заговорила – первая, не дожидаясь приказа. Казалось, присутствие божественной дочери государя вовсе не смущало ее.

«Ясноликий Киран велел мне, царевна, защищать тебя от дорожных опасностей и неурядиц. Я сделаю все, что в моих силах. Но будущее не в моих руках...»

«Что ты хочешь этим сказать, девушка? – спросила Аюна, в замешательстве глядя на странную служанку. – Кто дозволил тебе войти?»

«Ясноликий Киран дал мне предписание входить к тебе в любое время дня и ночи, – спокойно ответила та. – Если я сочту, что тебе нужна защита».

Ах да, вспомнила Аюна. Не служанка. Какая-то удивительная телохранительница, приставленная к ней мужем сестры. Киран отзывался о ней очень лестно, но в суматохе сборов царевна едва слушала его.

Лишь тогда Аюна впервые толком рассмотрела красивую невысокую вендку с жестким выражением зеленых глаз. Ее звали Янди, вспомнила царевна, – непривычное имя, такого Аюна прежде никогда не встречала. Глядя на ее тонкий стан и маленькие руки, сложно было представить, что она, по словам Кирана, превосходно владеет любым оружием, а также легко обходится без оногo.

«Я хочу немного рассказать тебе о нравах тех, к кому ты направляешься», – сказала Янди, опускаясь на колени у входа.

Аюна сперва собиралась одернуть девицу, призвать ее к большей почтительности, но почему-то промолчала. Янди говорила и вела себя с холодным достоинством, как знающий себе цену воин. А от неподвижного, будто застывшего, взгляда новой охранницы царевне и вовсе стало не по себе.

«Откуда тебе знать обычаи накхов?» – недоверчиво спросила она.

«Я жила среди них, госпожа, – ответила Янди. – И много повидала. Итак, для начала, когда ты приедешь в Накхаран, чтобы стать женой Ширама, он заключит с тобой священный брак».

«Что это?»

Аюне почему-то вдруг представились каменные своды, пение в темноте, множество огней на стенах и некий загадочный обряд, непременно связанный со змеями...

«Саарсан овладеет тобой в своей крепости, на ложе, вокруг которого соберутся главы семейств рода Афайя, дабы засвидетельствовать, что брак состоялся, – разогнал ее видения резкий голос Янди. – Чем больше раз он сможет оставить в тебе за ночь свое семя, тем славнее будет его имя. Если Исварха будет милостив к тебе, ты понесешь сразу после этой ночи. Если милость его окажется безмерна, ты родишь сына. Тогда тебя поселят в главную родовую башню Ширама и окружают почетом. Во всяком случае, покуда будут выкармливать дитя. Скорее всего, тебе не позволят кормить самой – наследник рода Афайя должен быть вскормлен молоком накхини. Но ты будешь рядом, пока мальчика не передадут на воспитание мужчинам. И только потом, когда ты перестанешь быть нужной, тебя перевезут в одну из удаленных горных башен, где Ширам будет навещать тебя раз в год, чтобы вновь овладеть тобой, а затем уехать...»

Аюну передернуло от отвращения. Она слушала рассказ телохранительницы с нарастающим негодованием.

«Ты лжешь! – не выдержала она. – Они не поступят так с дочерью Солнца! В Аратте нет подобных гнусных обычаев!»

«Это Накхаран, – пожала плечами Янди. – Есть там обычаи и похуже...»

Она было осеклась, но потом со странной ухмылкой продолжила:

«Вот, скажем, такой: если накх тайно похищает девушку, то он сам и все его братья, а то и все его воины должны с ней возлечь...»

«Святое Солнце! Зачем?»

«Чтобы своей силой защитить ее от злых дивов, госпожа, от нечисти, что таится во тьме. Ведь девица покинула свой род тайно, без обряда...»

«Сохрани меня Исварха Всесветлый от побега с накхом! Но к чему ты мне это рассказываешь?»

«Я лишь знакоблю тебя с брачными обычаями. Лучше знать их, чем не знать, – спокойно ответила Янди. – Ширам лишь будет исполнять порядок, заведенный до него... Но хоть он и возьмет тебя старшей женой, у прочих жен будет перед тобой преимущество. Поскольку все они родом из Накхарана, каждая из них станет править в землях, которые отдадут ей во вла-

дение. Каждая из них до священного брака участвовала в набегах и ловко владеет оружием. Такую жену будут уважать в башне и округе. Ты же, царица, для накхов – нечто диковинное. Да, как все арьи, ты умеешь стрелять из лука, но многих ли людей ты убила?»

Аюна взглянула на нее с недоумением:

«Хвала небесам, ни единого!»

«Какой стыд! – насмешливо покачала головой Янди. – Не советую упоминать об этом в Накхаране! Женщины накхов добывают право выйти замуж в бою... Кроме того, накхи не уважают лук. Они считают его бесчестным оружием. Всякий раз, используя его, они проходят обряд очищения, чтобы смыть скверну. Прости, солнцеликая, но для них ты – никчемное существо...»

«Да как ты смеешь?!»

«Я скажу больше – в башне к тебе наверняка приставят какого-нибудь хромого и кривого накха, который больше не может сражаться наравне с прочими воинами. На деле он будет распоряжаться всем. А возможно, чтобы наказать тебя за любовь к Аорангу...»

Аюна вспыхнула и привстала, решив, что дерзость охранницы перешла все мыслимые пределы. Но Янди, склонив голову и протянув вперед руку, остановила ее:

«Прошу, дослушай меня! О том, что царица Аюна спуталась с мохначом, судачат по всей Аратте. Уж конечно, злые языки передали все Ширану в самом непотребном виде. Если он пожелает тебя наказать, то велит своему человеку выступать вместо себя, и тогда этот кривой и хромым накх получит все права мужа. Он будет насиловать тебя всякий раз, как пожелает...»

«Какая чушь! Я дочь государя!»

Новая служанка усмехнулась.

«Тем слаще будет месть для Ширана! Твой отец унижил его, ты разорвала помолвку. Чего ты ждешь от такого мужа?»

Царица молчала, с ужасом глядя на девушку, не зная, что сказать в ответ. Первым ее порывом было попросту выгнать ее из шатра! Но чего она этим добьется? Самое противное, телохранительница, похоже, знала, о чем говорит.

«Правда ли то, что ты говоришь, или нет, не имеет значения, – мрачно сказала наконец Аюна. – Я сама выбрала свою участь. И если раньше не представляла себе, насколько она будет тяжела, что ж – тем хуже для меня!»

«Наши судьбы в руках Исвархи, – склонила голову Янди, внимательно наблюдая за бледной и взволнованной девушкой. – Я здесь, чтобы помочь тебе, госпожа. Пусть тебя не оскорбляют мои речи. Я лишь говорю правду. От меня тебе будет больше пользы, чем от всей твоей свиты».

«О чем ты?» – почти шепотом спросила царица.

«Пока мы будем ехать в Накхаран, обращай со мной как с обычной служанкой. Я же стану тайно учить тебя, как постоять за себя. Конечно, любой накх одолеет тебя в бою. Но лишь в том случае, если будет знать, чему ты обучена. Скрывай умения до последней возможности – только тогда они тебе пригодятся».

«Пригодятся для чего?»

Янди смерила царицу долгим изучающим взглядом, будто желая понять, впрямь она ничего не знает или притворяется? Наконец охранница вновь заговорила:

«Когда достойный Киран отправлял тебя к саарсану, он, несомненно, рассказал тебе, чего желает от этого брака».

«Да, – подтвердила Аюна. – Став женой накха, я должна буду убедить его не начинать войну против Аратты...»

«Так и есть, – подтвердила Янди. – А если саарсан откажется тебя слушать?»

«Как это – откажется?» – удивилась Аюна и чуть не добавила: «Я же дочь государя», но вовремя оборвала себя.

Теперь она уже понимала, что в Нахкарране такое родство ей ничем не поможет – скорее наоборот...

«Если Ширам откажется тебя слушать, – не дождавшись продолжения, заговорила Янди, – ты должна будешь убить его».

«Я? – ошеломленно переспросила Аюна и невольно хихикнула. – Убить?!»

«Ты не ослышалась. Конечно, главное я постараюсь взять на себя. Но ты должна будешь мне помочь. И должна быть готова сделать все сама, если у меня не выйдет. Поэтому-то я и здесь. Теперь ты знаешь. Тебе решать – ехать дальше или повернуть обратно. Впрочем, дома тебя не ждут. А потому не будем тратить времени попусту».

Янди протянула руку к прическе.

«Оружием может стать все, что угодно...»

Аюна тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Как бы то ни было, она здесь, в этом лесу. Ее покуда не тронули и, должно быть, желают увезти куда-то вглубь земель вендов с неведомой целью. Сейчас главное – притаиться, осмотреться, понять, что к чему. И ударить – быстро и, как учила Янди, совершенно безжалостно.

– Эй! – крикнула она плачущим в стороне служанкам. – Приведите себя в порядок и ступайте ко мне!

Девушки поспешно бросились к ней.

– Слушайте меня, – негромко заговорила царица. – Либо мы вместе спасемся, либо вместе погибнем. Что бы ни случилось, я вас не брошу. Мы будем выпутываться из этих силков вместе.

Речи Аюны несколько подбодрили исстрадавшихся девушек. Сгрудившись вокруг хозяйки, они с бессильной ненавистью глядели, как венды разбирают покрытые лапниками навесы, складывают из них большие костры: положив на них своих мертвых воинов, разжигают всепожирающий огонь. Когда пламя взметнулось к черным небесам, дети леса завели долгую, заунывную погребальную песнь, и от этой песни у Аюны сразу стало радостнее на душе.

Глава 6

Лазутчики

Белесый утренний туман лежал над рекой. Только начинало светать, но могучие башни Двары, столицы юга, отчетливо чернели в едва розовеющем небе. В прибрежных камышах хрипло перекликались сонные утки, изредка тихо плескала рыба.

Всадники на вороных и караковых конях, застывшие на берегу возле самого края воды, были совершенно молчаливы и неподвижны. Они всматривались в каменную громаду, будто надеясь разглядеть что-то очень важное.

Хаста ерзал на спине своей лошади, зябко кутаясь в черный наххский плащ из грубой шерсти, выданный ему Ширавом. Занимала его сейчас вовсе не утренняя прохлада, хотя осень все сильнее напоминала о себе. Он, как и все прочие, напряженно ждал возвращения саарсана. Тот ушел уже давно, в густой тьме, когда до рассвета было еще далеко. Ушел, взяв с собой лишь троих воинов, да так и не вернулся.

«Скоро взойдет солнце, – с тревогой думал жрец. – Туман рассеется, и нужно будет уходить обратно в горы. А его все нет! Что, если его схватили или подстрелили со стены?»

Он покосился на окружавших его сааров. Те, как всегда, старательно делали вид, будто знать не знают о присутствии жреца Исвархи, которого Ширав невесть зачем приблизил и таскал повсюду собой. Что они с ним сделают, если саарсан не вернется? Если Исварха будет милостив – просто бросят здесь. А если нет?

Хаста принялся гнать мысли о том, что с ним, лишившимся высокой защиты, могут сделать наххи. Но тут камыши шелхнулись – и перед всадниками появился Ширав. Лицо его было хмуро, однако Хаста отметил, что настроен саарсан крайне решительно.

– Плохие вести? – спросила саари рода Бунгар.

– Пожалуй, да. В крепости нас ждут. Воины настороже, на стенах все время слышна круговая перекличка. И они не просто окликают друг друга, а поочередно пропевают строки из неизвестной мне песни.

– Значит, тихо в город не войти, – подытожил один из сааров.

– Мы войдем, – мотнул головой Ширав. – Но для этого придется немного потрудиться...

Раздумывая о чем-то, саарсан пристально глядел на Аршага. Его старший родич, смуглый, длинноусый и черноволосый, принадлежал к роду Зериг – самому южному из наххских родов, обитавшему на границе с землями степняков-сурьев.

– Мне понадобится десяток твоих воинов, – сказал Ширав.

– Конечно, как скажешь! Даже если им придется идти на верную смерть, они примут это с гордостью...

– Нет. Их смерть мне не нужна. Им придется переодеться и распустить косы.

– Расплести косы? – повторил Аршаг, не веря своим ушам. – Зачем?

– Что ты такое говоришь, Ширав? – недовольно буркнул немолодой саар рода Пама. – Или, живя в столице, ты забыл все заветы предков? Если наши родичи погибнут с распущенными косами, Мать Найя примет их за старух и усадит на веки вечные прясть бесконечную пряжу!

– Значит, у них будет хороший повод остаться в живых.

– Мои воины скорее дадут себя убить, чем согласятся на такое непотребство! – нахмурившись, объявил Аршаг.

– Тогда, – сказал Ширав, – я первый расплету косу. И не заплету ее, пока Двара не будет взята!

– Нет, – скривился саар. – Так нельзя.

– Мы должны захватить столицу юга. Тот, кто владеет Дварой, владеет лучшей переправой через Ратху и всеми предгорьями Накхарана. Там запасы еды, там кони... Если мы возьмем ее, наши руки будут развязаны. Пока город занят врагом, мы всегда рискуем получить удар в спину...

Аршаг слушал Ширама с нетерпением.

– Но зачем расплетать косы? – воскликнул он, едва его родич договорил. – Я понимаю, ты задумал какую-то уловку. Но мы и так можем скрытно подобраться, перед рассветом перебить стражу в воротах, вырезать врагов спящими...

– Загвоздка в том, что в крепости не враги.

– А кто?!

– Я объясню в свое время, – отрезал Ширам. – А сейчас делайте, как я сказал!

Тихий ропот пробежал меж собравшимися на берегу. Никто не шевельнулся. Ширам окинул сааров испытующим взглядом и принялся не спеша расплетать косу.

Вожди накхов смотрели на него, пряча под бесстрастным видом свое изумление, почти ужас. Коса для накха священна. Он не расплетает ее даже в собственной спальне – ведь и там его может застать внезапная гибель от руки лазутчика. Воин, попавший в плен и потерявший косу, считался живым мертвецом.

Ширам убрал за запястье извлеченное из косы лезвие, смотал белые ленты и встряхнул головой. Длинные смоляные волосы разбежались по спине и плечам. Все были смущены и недовольны его выходкой, только саари рода Бунгар втихомолку усмехнулась.

– Похоже, саарсан полагает себя бессмертным, – проворчал кто-то.

Ширам с вызовом поглядел на вождя рода Зериг.

– Мне нужно десять человек, – приказал он. – Еще три воза, запряженные быками, и как можно больше саконского оружия и доспехов.

* * *

Солнце уже поднялось высоко и даже начало слегка припекать, когда Ширам натянул поводья, останавливая коня. На стенах Двары завывали боевые трубы. В воздухе висела пыль. Тяжелые ворота башни на холме быстро закрывались. В бойницах то и дело вспыхивали на солнце бронзовые доспехи многочисленных воинов.

– Они уже наготове. – Саарсан повернул коня, останавливая соратников.

– Чего ж ты ожидал? – хмыкнул саар рода Пама. – Надо было нападать до рассвета, как я сразу и сказал.

– И погибнуть – арьи уже давно нас ждут, – возразил Аршаг. – Сразу после битвы у излучины сюда примчались гонцы. Как могло быть иначе?

– По-разному могло быть, – пожал плечами Ширам. – Но речь не о том.

Он ударил коня пятками, посылая его вперед и делая Аршагу знак следовать за ним.

– Сейчас мы с тобой будем браниться, – сказал он, когда они отъехали от войска.

– Вот еще, – хмыкнул Аршаг. – Ты саарсан...

– Молчи и слушай! – с нажимом произнес Ширам. – Сейчас мы начнем ругаться. Громко, яростно, размахивая руками. Можешь проклинать меня как пожелаешь.

Аршаг весело поглядел на предводителя:

– Ну, раз ты сам приказываешь... Что ты задумал?

– Узнаешь. Потом мы уедем в разные стороны. А после полудня здесь появятся...

Он наклонился к саару рода Зериг и начал что-то шептать ему на ухо. Саар отшатнулся и негромко произнес:

– Там вот зачем надо было расплетать косы! Ширам, ты спятил?

– А теперь то же самое, только громче!

– Ты спятил?! – заорал Аршаг.

– Да как ты смеешь?! – закричал в ответ Ширам. – Я велю содрать с тебя кожу и сшить из нее штаны!

Аршаг привстал в седле и, замахав руками, начал костерить саарсана на чем свет стоит.

– Стой! – оборвал его Ширам. – А теперь разворачивайся и уводи отряд в Накхаран. Остальные пусть едут с тобой. Не прячьтесь, пусть вас будет хорошо видно с городских стен...

– А ты?

– А я тут еще немного задержусь...

Длинноусый саар с чувством сплюнул под ноги его коню, развернул отряд и что есть мочи поскакал в обратную сторону. С саарсаном осталось всего с полдюжины бойцов его рода и настороженно глядящий по сторонам Хаста.

– Отлично, – глядя вслед уезжающим, пробормотал Ширам.

Когда они исчезли в поднятой копытами их коней туче пыли, саарсан обернулся к своему советнику:

– Тебе прежде доводилось бывать в Дваре?

– Доводилось, – кивнул жрец.

– Тогда слушай. Мы сейчас уйдем в степь, а ты далеко не уезжай. Когда ворота вновь откроют – а их точно не будут долго держать закрытыми, – отправляйся в город. Тебе найдется о чем поговорить с настоятелем местного храма.

– А как же ты?

– Не беспокойся. Скоро ты о нас услышишь.

Хаста поглядел на него с тревогой:

– Только заклинаю тебя, саарсан, – не надо крови! За этими стенами подданные Аюра, не враги...

– Хорошо сделай свое дело, – посоветовал ему Ширам. – А я сделаю свое.

– Этого-то я и боюсь, – спешиваясь, пробормотал Хаста.

– И вот еще что. купи крепкую веревку. Если все пойдет так, как задумано, она нам весьма пригодится.

«А если не пойдет, тоже пригодится, – глядя вслед удаляющимся воинам, подумал жрец. – Впрочем, у городской стражи Двары наверняка и своих веревок хватает...»

* * *

Как и предсказывал Ширам, ждать пришлось недолго. По достоинству оценив разброд среди накхов, стражники на стенах радостно улюлюкали им вслед, кричали и хохотали. А потом, когда всадники превратились в черные точки, удаляющиеся в сторону белевших на горизонте гор, принялись открывать ворота.

Хаста неплохо знал Двару. Здесь испокон веку находилось большое торжище. Длинный, похожий на огромную каменную рыбину остров располагался между старицей и новым руслом великой Ратхи. В голове «рыбы», на утесе из крепчайшего дикого камня, возвышалась треугольная крепость. Стены ее были составлены из огромных плетеных корзин, набитых острыми обломками скал и заваленных землей. Поверх этих рукотворных валов высились деревянные палисады с дозорными башнями. Издали они напоминали зубчатый венец на сером каменном челе.

Ниже по течению, ближе к хвосту каменной рыбы, располагалось городище. Стены тут были куда пониже, а за ними плотно жались друг к другу домишки, – по сути, каждое жилище здесь было либо мастерской, либо лавкой, либо постоянным двором. В самом хвосте, на скале, высился расписанный синим и белым, с золочеными узорами на воротах, храм Исвархи – конечно, не такой огромный и роскошный, как столичный, но все же внушительный. Всякий

купец кланялся здесь Исвархе щедрым даром, надеясь, что Господь Солнце благословит его и позволит расторгнуться с прибылью.

Прежде чем войти в город, Хаста сошел подальше с дороги и спрятал под камнем черный нахский плащ. Оставшись в жреческом одеянии, он снова забрался на спину своей лошадки и направился в Двару. Золотой перстень святейшего Тулума, показанный в воротах, немедленно сделал свое дело – стражи дружно опустили на колено, прося у жреца благословения. Тот воздел над ними руку, постаравшись, чтобы перстень сверкнул на солнце:

– Да озарит ваши дни господь Исварха, да согреет его свет ваши души!

– Хорошо, достопочтенный, что ты приехал сейчас, а не чуть раньше, – вставая с колена, произнес один из стражей. – Тут как раз накхи с наскока город захватить пытались. Да мы им показали, чего они стоят! Больше не сунутся.

– Вот как! Но разве накхи не первейшие из воинов?

– Э, да ты, видать, издалека едешь, раз ничего не знаешь!

– Издалека, – согласился Хаста, внимательно глядя на довольного собой стража ворот.

– В столице творятся страшные дела! Государя нашего Ардвана накхи убили, – начал тот. – Сына его, царевича Аюра, похитили и где-то спрятали. Киран, государев зять, нынче хранит престол. Он накхам давеча здорово всыпал – те еле вырвались. На нашу беду, все же ушли. Торговые люди говорят, что Ширам, сын Гауранга, воцарился в Накхаране. Да видать, после недавнего поражения его и там не больно жалуют. Я только-только своими глазами видел, как привел саарсан под стены отряд. Вперед, говорит! А те возьми да и поверни назад. Еще изругали его всяко – аж на стенах слышать было...

Хаста кивнул и похлопал лошадку по шее, продолжая путь. Дорога к храму шла по главной улице, разделявшей остров на левую и правую сторону. Вдоль дороги тянулось шумное торжище. Купцы гомонили, предлагая кто свежую рыбу, кто привезенные издалека ткани... Хаста остановился лишь раз – купить длинную веревку.

«Ширам не хочет быть мне обязанным, и это правильно, – раздумывал он. – Ему надо утвердиться как вождю... Но зачем пренебрегать средствами, если они есть? – Хаста посмотрел на свой перстень. – С ним я могу просто приказать настоятелю открыто поддержать нахов! А если он не послушает? Нет, отдавать приказ можно, только если уверен, что он будет выполнен...»

Уже почти миновав торжище, Хаста вдруг услышал смутно знакомые голоса. Привлеченный ими, он подошел к небольшой толпе, собравшейся у возов, протолкнулся вперед и, к своему изумлению, увидел саконов, торгующих доспехами. Толпа вокруг тяжело груженных возов быстро увеличивалась: всем хотелось посмотреть на знаменитое оружие, которое если и попадало в Аратту, то окольными путями, через посредников и по невообразимым ценам.

– Это же саконы! – обратился Хаста к стоящему рядом местному торговцу. – Каким чудом их сюда занесло?

– Вот явились сегодня поутру, – охотно вступил в беседу житель Двары. – Говорят, у нахов междоусобица. Эти везли оружие к Шираму, а тот поругался с саарами. Слышал, что утром перед воротами творилось?

– М-да... – протянул Хаста, пытаясь понять, что тут происходит на самом деле.

– Уж мы тут сейчас наторгуем, – увлеченно прошептал его собеседник. – Они цен-то совсем не знают, а их оружие, о-о! – у нас за такое платят вдесятеро против того, что они запро-сили. Ты глянь на них, почтенный жрец, – экие подозрительные рожи. Продешевить бояться...

Действительно, саконы в искусстве торга явно не преуспели.

– Мы не знаем ваших цен, – слышался отрывистый, высокомерный голос старшего. – Откуда нам знать, что это верная цена? Мы меняем у нахов железо на рабов. Сколько у вас стоит сильный раб-венд?

Хаста с любопытством уставился на саконов. Раньше он видал только одного – того, что Аюр убил в заповедном лесу. Эти же выглядели совсем иначе... Приглядевшись, рыжий жрец едва не вскрикнул от изумления. Изменившись в лице, он потихоньку отошел, надеясь что никто не заметил этого. «Саконы» были переодетыми накхами рода Аршага – с буйными черными волосами, повязанными на лбу тесемкой, с нарисованными на лице и руках вымышленными племенными знаками народа кузнецов... Так вот зачем Ширам приказал им расплести косы! По правде сказать, эти «торговцы оружием» весьма слабо напоминали саконов. Впрочем, здесь их было некому уличить. Главное – лазутчики стали совсем не похожи на накхов.

«Но я по-прежнему не пойму, что задумал Ширам, – размышлял Хаста, шагая к храму. – Их тут всего дюжина, а в крепости три сотни воинов... Только бы он не залил тут все кровью... Господь Солнце, забери у него жажду мести и отвесь взамен немного здравого смысла!»

Глава 7

Клятва Хасты

Расписные ворота местного храма Исвархи уже виднелись в конце улицы. В прежние времена, выполняя тайные поручения святейшего Тулума, Хаста не раз здесь бывал. Задание, которое ему предстояло выполнить сейчас, несомненно, было самым тайным и самым важным из всех.

Ворота Полуденного храма были украшены позолоченными львиными головами. Вздрыбленные гривы напоминали солнечные лучи, лишний раз говоря жителям Двары, что бог, дарующий и охраняющий жизнь, может быть суровым и даже яростным. Венды, жившие в этих краях, львов отродясь не видали, но очень хорошо понимали эту двойственность. Хозяин небес Сварга, которому они поклонялись наряду с десятком прочих вышних и подземных богов, насылал и живительное тепло, и устрашающие грозы, и питающие первые ростки весенние дожди, и губящие урожай затяжные осенние ливни. Так что всеильного, милостивого и карающего Исварху они признали быстро и с почтением склонились перед ним.

Храмовая стража узнала Хасту и без золотого перстня с печатью. Услышав о прибытии ближнего человека святейшего Тулума, верховный жрец храма Двары от радости позабыл о правилах и чинах и бросился через двор ему навстречу:

– Хаста! Как хорошо, что ты прибыл! Может, ты расскажешь, что происходит в столице? Мы тут уже устали объяснять людям то, чего сами не понимаем! Сначала до нас доходят слухи о мятеже накхов, о том, что они разорили пригороды столицы, но блюститель престола Киран разгромил их... На следующий день уже говорят, что Киран бежал с поля боя и сам чудом остался жив. Затем из Накхарана до нас доходят вести, что бывший глава жезлоносцев Ширам возложил на себя змеиный венец и вот-вот будет здесь с войском! А позавчера вечером в Двару примчался гонец с требованием подготовить дом для царевны Аюны, которая скоро прибывает сюда со свитой и приданым, чтоб выйти замуж за саарсана! Ты ничего об этом не знаешь?

– Нет, – в замешательстве отозвался Хаста.

Верховный жрец Двары подхватил его под руку и повлек за собой к храму, продолжая свои сбивчивые речи:

– Мир перевернулся! Кажется, Исварха не слышит наши молитвы... – Он понизил голос: – Быть может, Северный храм в чем-то прав?

«Только этого не хватало», – подумал рыжий жрец.

– Говори же, Хаста! Какие вести ты привез нам от святейшего Тулума?

– Сейчас расскажу. Но об этом никто не должен знать. Здесь есть место, где нас не потревожат?

Главный жрец Двары понял намек, прекратил расспросы и повел гостя под арку, ведущую во второй внутренний двор. Конечно, Хаста был человеком приятным и обходительным, однако святейший Тулум держал его подле себя не ради этого. Зачастую именно этому невзрачному молодому жрецу поручались самые тонкие и тайные дела.

Они вышли в небольшой храмовый сад, сели на каменную скамью под ухоженной яблоней, и Хаста, предварительно оглядевшись, тихо заговорил:

– В столице переворот. В нем обвиняют накхов, но это все подстроено Кираном. Он подлый мятежник.

– Но как такое может быть? – в замешательстве пробормотал верховный жрец Двары. – Киран – ближний родич покойного государя! Именно он открыл государю козни заговорщика Артанака!

Хаста пожал плечами:

– Вероятно, так и было. Киран убрал с пути всех преданных государю Ардвану людей, чтобы в нужный миг не нашлось никого, кто бы смог защитить его жизнь.

Главный жрец побледнел:

– Уж не хочешь ли ты сказать, что ясноликий Киран виновен в смерти государя?

– Да. – Хаста задумался, вспомнив шрам на скуле у Ширама. – И я, пожалуй, догадываюсь, кто совершил это злодеяние...

– Но зачем?! Ведь солнцеликому Ардвану должен наследовать его младший брат, святейший Тулум!

– Киран держит святейшего Тулума в осаде в его храме.

Предстоятель храма Двары на миг утратил дар речи.

– Ах вот что... То-то я думаю: почему мой гонец вернулся из столицы ни с чем?... Ему сказали, что верховный жрец скорбит и не желает никого видеть...

Хаста насмешливо скривился и продолжил:

– Когда в столице все только начиналось, по приказу святейшего я отправился к накхам для переговоров. Но Киран переиграл нас. Накхи были вынуждены оставить свою крепость и уйти в Накхаран, а с ними пришлось бежать и мне...

Старший жрец храма Двары сидел вытаращив глаза, не зная, верить ли собственным ушам или нет.

– Святое Солнце! Всего этого не может быть, – ошеломленно прошептал он.

– Все это так же верно, как то, что я стою перед тобой, – отозвался Хаста и поднял руку, показывая золотой перстень. – Я выполняю здесь волю святейшего.

– Слушаю тебя, почтенный Хаста, – пробормотал старший жрец, склоняя голову перед святыней.

– Ширам действительно принял венец саарсана. Это произошло на моих глазах. За ним – войско накхов. После сражения с колесницами Кирана он пылал яростью, желая уничтожить Аратту, однако мне удалось воззвать к свету Исвархи в его душе. Ширам вспомнил о том, что клялся в преданности царевичу Аюру, а такие, как он, держат клятвы. Теперь он отринул месть и желает лишь восстановить поруганный закон и справедливость. Скоро саарсан будет здесь...

Казалось, побледнеть сильнее главный жрец не мог, но ему это удалось.

– Не бойся, слушай меня!

Хаста понимал, что все слова сейчас мало что значат для служителя Исвархи, живо представившего себе, что могут устроить накхи в захваченном городе.

– Слушай меня! – вновь требовательно повторил он. – Ширам идет сюда как военачальник законного наследника престола, а не как захватчик. Он не желает разорять Двару, как и любой другой город Аратты. Он войдет в крепость, желаем мы того или нет, потому что он уже решил сюда войти. Эти стены его не остановят. Но если мы поможем ему, накхи никого не тронут. Все будут живы, клянусь Солнцем, – с нажимом повторил он. – И не только это! Если саарсан возгласит имя Аюра со стен Двары, по всей стране воочию увидят, что он не враг Аратте, а по-прежнему ее верный слуга...

У Хасты перехватило горло, то ли от волнения, то ли от собственной наглости. Он понимал, что, возможно, лишь священный перстень в его руках удерживает предстоятеля от вполне разумного действия – позвать стражу и кинуть мятежника и пособника накхов в храмовое подземелье. И тогда Хасте останется только молить Исварху, чтобы главный жрец отправил весть о его поимке Тулума, а не отдал его местному воеводе, который незамедлительно повесит его на городской стене. «Вот и веревка пригодится», – с мрачной усмешкой подумал он.

Но главный жрец сидел рядом, затаив дыхание, не зная, верить или не верить страшным вестям.

– Верно ли я понял? Ты хочешь, чтобы я помог накхам взять Двару? – будто надеясь, что ослышался, хрипло переспросил он.

Такое толкование его слов Хасту весьма не порадовало. Скажи он «да», и, пожалуй, у его собеседника все же прорежется голос.

– Царевич Аюр назвал Ширама мечом в своей руке. Слово было произнесено при мне, и я могу поклясться Господом и этой святыней... – он благоговейно приложил губы к перстню, – что говорю правду.

Он встал, обратился лицом к востоку и, протянув руку в сторону светила, торжественно произнес:

– А если я солгал, пусть Исварха, Владыка Двух Горизонтов, испепелит меня в сей же миг!

– Я повинуюсь воле святейшего Тулума, – выдавил верховный жрец Двары. – Но, Хаста, если ты лжешь, искра твоей души погаснет и обратится в золу. Не будешь ты знать ни покоя, ни искупления!

– Я сказал правду! – отрезал Хаста. – Сегодня ночью мне будет нужна помощь твоих людей...

* * *

Перед рассветом из утреннего тумана, висевшего над рекой, вынырнул отряд накхов на взмыленных лошадях. Стража на стене протрубила тревогу, но отряд остановился на расстоянии чуть больше перестрела, не доезжая до заставы перед мостом, ведущим на остров. От отряда отделилось несколько всадников.

– С вами говорит Аршаг, саар рода Зериг! – закричал один из них, гарцуя вблизи стен. – Мармар, сохранивший верность государю, был моим братом! Я – враг самозванца Ширама! Я готов сражаться вместе с вами против него!

Со стен послышались раскаты смеха.

– Эту хитрость еще твоя бабка придумала! – кричали оттуда. – Кого ты решил обмануть?

– Откройте ворота! Я встану с вами плечом к плечу! – не унимался Аршаг.

На стене появился воевода.

– Проваливай, накх! – заорал он. – Или я прикажу стрелять!

Аршаг повернулся к своим воинам, крикнул им что-то. Те развернули коней и, призывая проклятия на головы защитников крепости, умчались в степь.

Вскоре, едва стража решила, что опасность миновала, со стороны гор послышался слитный гул копыт большого войска. Вновь загрела труба, и вновь от воинства, раза в три превышающего первый отряд, отделился всадник. На этот раз, впрочем, это была всадница, седая и величавая. Она остановилась перед воротами и заговорила так, что у стражников сразу пропала всякая охота глумиться:

– Вы дали убежище изменнику Аршагу и его людям! Выдайте их – и крепость не пострадает! А если вы решите дать им убежище, мы войдем в Двару по вашим мертвым телам и вырежем сердца всем, кто останется жив!

– Я бы с радостью отдал тебе ваших змеенышей, саари, – отозвался со стены воевода, – но мы не впустили их в крепость. У вас есть глаза – посмотрите следы.

Предводительница что-то приказала своим подручным. Те поглядели и закивали, подтверждая слова воеводы. Саари, не прощаясь, развернула коня, и войско умчалось прочь от стен Двары.

Впрочем, прошло еще немного времени, и вдали, как раз там, куда поскакали накхи, послышался шум битвы, доносимый ветром.

– Похоже, этот Аршаг не врал, – под нос себе пробормотал воевода.

Его помощник, руководивший конными лучниками, глянул на своего начальника, не скрывая довольной улыбки:

– Что с того? Змеи сцепились между собой. Пусть хорошенько порвут друг друга. А мы выждем и ударим им в спину!

– Хорошая мысль, – похвалил воевода. – Вели седлать коней!

Вскоре после того, как конники из Двары умчались вслед накхам, к воеводе подошел начальник стражи и сообщил, что к нему просится чужеземный купец.

– Чего ему надо? – нетерпеливо спросил предводитель местного воинства.

– Это старшина саконов, которые привезли оружие на продажу. Он клянется, что его сведения будут полезны всем нам.

– Клянется, – проворчал воевода. В прошлом саконы не удостаивали Двару своим появлением. Однако сейчас был удобный миг, чтобы наладить с ними торговлю напрямую. – Он по-нашему хоть говорить-то умеет?

– Умеет, – подтвердил стражник.

– Ладно, ведите его сюда, на стену. Только следите, чтобы не схватился за нож.

Очень скоро смуглый мужчина с пышными черными волосами стоял перед воеводой. Он держал голову высоко, явно не собираясь, подобно обычным купцам, низко кланяться и славить доблесть повелителя твердыни.

– Что ты хотел рассказать? – насупив брови, недовольно спросил воевода.

– Вчера днем я видел здесь одного человека... – начал тот.

– Неужели? Только одного?

– Это жрец по имени Хаста, – пропустив насмешку, продолжал торговец оружием.

– И что с того? В храме много жрецов.

– Может, и так. Но этого я на днях встретил в Накхаране. Мы приехали туда торговать. Однако нам было сказано, что саарсан идет войной на эти земли. У нас хотели забрать товар, но Ширам запретил. Он не хочет ссориться с саконами. Но и покупать ему сейчас не на что. Так вот жрец Хаста был там рядом с саарсаном. Ширам называл его своим другом и ближним советником...

– Вот как? – Лицо воеводы потемнело. – И сейчас он здесь? Ты в этом уверен?

Начальник стражи закивал, поддерживая слова сакона:

– Привратники видели его. Он прежде уже бывал в Дваре. Он пришел сюда вскоре после того, как на рассвете здесь вроде как видели Ширама.

– Ах он, гадючий выползень! Стало быть, этот жрец продался накхам. Где он?!

– Мои люди говорят, что в храме.

– Он в храме, – подтвердил сакон. – Я сам видел, как он туда зашел и больше не выходил.

– Что ж, придется наведаться к верховному жрецу и сообщить, что нас всех крайне беспокоит его здоровье!

Воевода глянул на начальника стражи:

– Я возьму с собой четырех воинов. Остальных на стены – и глаз не смыкать! Если в городе лазутчик, возможно, накхи задумали какую-то пакость. Но тут они просчитались – мы будем наготове. Какую награду ты себе хочешь, сакон?

– Если впредь мы будем ходить сюда с товаром, – деловито произнес торговец, – то пусть нам не придется платить дорожные пошлины.

– Хорошо, – отмахнулся воевода. – Обещаю.

– А вот еще бы и местные сборы...

– Ты хочешь слишком много! – невольно расхохотался воевода.

– Я готов привести на стены свою родню с нашим оружием.

– Лишние воины не помешают, – кивнул глава воинства. – Если с твоей помощью мы успешно отобьем накхов – будь по-твоему, саконы тут не будут платить ничего. Ступай, призови своих людей.

* * *

Верховный жрец храма Двары встретил наместника в воротах, как будто заранее знал, что тот явится. Сейчас предстоятель являл собой воплощенное величие.

– Твои люди желают войти сюда с оружием? – удивленно поглядев на воеводу, спросил он.

– Под твоим кровом скрывается гнусный изменник, жрец Хаста! – рявкнул воевода. – Выдай его! И мне не придется заходить в храм с оружием.

– Если желаешь, ты можешь убить меня, – дрогнувшим голосом ответил жрец. – Но я не позволю воинам, подобно диким зверям, врываться под священные своды дома Исвархи! Владыка мирового пламени покарает всякого, дерзнувшего нарушить его покой!

Голос жреца окреп – за его спиной показались воины храмовой стражи. Воевода поморщился. Устраивать бойню в воротах почитаемого святилища ему хотелось менее всего.

– Ответь мне, – делая своим воинам знак отступить, спросил наместник, – здесь ли жрец Хаста?

– Да, он здесь.

– Я желаю его видеть.

– Что ж, вложи оружие в ножны и следуй за мной. Если опасаясь, возьми с собой воинов, но пусть они тоже вложат клинки в ножны.

Они вошли под каменные резные ворота и, обойдя храм, оказались в уютном саду. Рыжий жрец как ни в чем не бывало стоял под деревом и глядел на медленно восходящее солнце.

– Ты – тот, кого называют Хаста? – сумрачно спросил воевода.

– Да, я жрец Хаста, посланник святейшего Тулума в этих землях.

– Даже не пытайся врать мне. Ты изменник и должен быть казнен!

– Вот оно как? Значит, ты говоришь, что изменники должны быть казнены?

– Не пытайся запутать меня своими жреческими хитростями!

– О нет, я лишь уточняю. Помнишь ли ты, какая именно казнь установлена за такую вину?

– Послушай, я готов смягчить тебе наказание, памятуя, что ты не воин, а жрец. Пусть твою судьбу решают твои собратья.

– Весьма любезно, – кивнул Хаста. – И чего же ты желаешь от меня в ответ?

– Ты раскроешь мне, что замышляет Ширам.

– Хорошо, – не меняясь в лице, согласился Хаста. – Я укажу, где найти его, а остальное ты спросишь у него сам.

– Будь по-твоему!

– Тогда оглянись!

Рыжий жрец поднял руку, указывая за спину наместнику. Тот резко повернулся, хватаясь за рукоять меча, но тут же вскрикнул от внезапной боли – кто-то ударил его по пальцам. Ширам, сын Гауранга, саарсан Накхарана, стоял в шаге у него за спиной. В руках у повелителя накхов был привычный жезл – тот самый, с которым он прежде охранял покои государя.

Чуть поодаль находилась еще дюжина воинов рода Афайя – все с расплетенными косами и мокрые до нитки. Вместе с саарсаном они переплыли реку и проникли в крепость с помощью жрецов храма Исвархи и веревки Хасты.

– Если бы я желал убить тебя, ты был бы уже мертв, – сообщил Ширам. – Но я хочу говорить, а потому слушай. Сейчас, когда мы беседуем с тобой, мои люди уже захватили городские ворота. Но они никого не убивают – лишь обезоруживают. Всякий поднявший меч на моих людей поднимает его на законного наследника престола Аюра. А это измена – и всякий измен-

ник, как ты верно сказал, должен быть казнен. Сообщи своим людям, что Двара отныне под властью солнцеликого Аюра, сына Ардвана. Те, кто присягнет ему, останутся живы.

Вдали, с той стороны, куда ускакали лучники, завывала бронзовая труба, затем умолкла и завывала снова, переливчато, будто всхлипывая.

– Что это? – заворуженно спросил воевода.

– Твои люди попали в засаду. Я не ссорился с Аршагом. Лучникам Двары предложили сложить оружие и присягнуть Аюру или бесславно погибнуть. Они сделали правильный выбор и скоро будут здесь. Решай же скорей – будешь ли ты и далее воеводой и наместником Двары, или мне придется освободить храм от твоего присутствия.

Саарсан кивнул в сторону стены сада, за которой, как было прекрасно известно наместнику, находилась обрывистая скала – та самая, по которой накхи забрались в крепость.

– Я покоряюсь, – через силу прохрипел воевода. – Если ты клянешься, что не причинишь вреда...

– Я не воюю с Араттой, – перебил его Ширам. – Я лишь восстанавливаю справедливость.

Глава 8

Урок правосудия

Главная башня Двары, казавшаяся неприступной с берега, вблизи выглядела еще мощнее. Уже несколько веков она охраняла этот город рыбаков и торговцев. Сложенная из дикого замшелого камня, она была в шесть человеческих ростов высотой. Меж зубцов мелькали головы в шлемах – запершиеся в твердыне воины готовились к бою.

«Может, сходить поговорить с ними? – раздумывал Хаста, осторожно наблюдая за осажденными из-под арки выбитых ворот окружающей башню стены. – Впрочем, если они не послушали собственного воеводу...»

Хаста поехал и поглубже зашел под арку – сюда-то стрела точно не долетит.

– Прячешься? – раздалось у него над ухом.

Жрец оглянулся и увидел перед собой Ширама. Косу тот уже заплел и выглядел как обычно. За его спиной темнели плащи воинов. Саарсан сейчас казался возбужденным, даже радостным, но Хаста уже знал, что означает такая радость.

– Хочешь убить их? – без обиняков спросил он.

– Да. Я предложил им присягнуть на верность Аюру и призвал Исварху в свидетели, что не причиню никому из них вреда. Но они только посмеялись сверху. Теперь я хочу посмеяться.

– Послушай...

– Они сказали, что никогда не склонятся перед нахмом, а на мои клятвы им плевать! Стало быть, они не желают служить законному государю и не уважают Исварху. Они бунтовщики. Ты знаешь, как наххи карают бунтовщиков?

Хаста тяжело вздохнул.

– Дай им время разобраться, – тихо попросил он.

– Зачем? – удивился саарсан. – За всякое преступление должно быть справедливое воздаяние. Хочешь, я расскажу тебе, как отец учил меня вершить правосудие?

– О нет!

– А я все же расскажу. Тебе будет полезно узнать это.

Ширам глядел на башню не отрываясь и, кажется, готов был рассказать свою повесть бревенчатому своду арки, створкам ворот, что валялись в пыли, – но более всего обороняющимся сторонникам Кирана.

– Мне было тогда около девяти лет. Отец разбудил меня глубокой ночью и велел одеваться. Он сказал, что желает кое-чему меня научить. Я не удивился – отец часто будил меня среди ночи. Порой бросал глиняные шары, так что я в конце концов научился уворачиваться от них не просыпаясь... Но я не о том. В ту ночь мы с небольшим отрядом отправились к одной из наших башен. Я уже не помню, что там произошло, – да отец и не рассказывал. Он лишь сказал: «Изменяют только свои. Чужак может навредить, враг – убить, но изменить...»

– Да-да, я понял, – желая поскорее закончить этот разговор, закивал Хаста.

– Не смей перебивать. Так вот... Мы ехали всю ночь. Когда приехали к той башне, уже рассвело. Но мы не стали идти на приступ, хотя ворота были заперты и мостки убраны. Оставив наблюдателей, мы спустились вниз, на равнину, и начали кого-то искать в лесу. Наконец мы наткнулись на ветхую хижину углежогов. Рядом с ней сидел, переводя дух, словно после долгого бега, молодой мужчина. При виде нас он громко вскрикнул, вскочил и снова бросился бежать. Он прыгал между камней и деревьев, словно олень, но все впустую – ни одному оленю не удавалось уйти от моего отца... – Взгляд Ширама затуманили воспоминания. – Станный то был человек, я таких и доныне не видал. Он был с головы до пят разукрашен извивающимися

полосами, похожими на водовороты или вихри, – должно быть, колдун, а может, раб из далеких земель или то и другое...

– А знаешь... – начал было Хаста, однако прикусил язык.

– Его схватили и притащили к башне, – не слушая его, продолжал Ширам. – Отец потребовал открыть ворота и опустить мостки. Но там, как вот сейчас, решили биться до последнего. Тогда отец вытащил клинок и отрубил раскрашенному пясть, а его воин прижег рану. Я до сих пор помню, как тот колдун заорал. Но башня молчала. Затем отец отрубил ему руку по локоть. Потом глянул на меня, дал мне свой меч и приказал отрубить пленнику кисть другой руки. Прежде я никогда такого не делал. Я глядел на этого человека – он уже, кажется, ничего не чувствовал и не соображал. Он пытался упасть, но пара крепких воинов держали его. Кровь сочилась из прижатой раны, и он кричал так, словно с криком из него выходила душа. Меня замутило от запаха горелой плоти, но я не мог оторвать от него взгляда. Должно быть, я стоял и смотрел слишком долго, потому как отец отвесил мне тяжелую затрепщину и крикнул: «Руби!» Я взмахнул мечом и на выдохе ударил, как много раз до этого по кабаньей туше. Пясть осталась в руке у державшего его воина. Второй воин тут же ткнул факелом в рану. Но раскрашенный, кажется, уже не заметил этого – продолжал себе кричать. Затем он наконец умолк, и его бросили со скалы в поток. Отец кинул отсеченную мной пятерню вслед убитому. И тут из башни кто-то прыгнул прямо в пропасть, в бурлящую внизу реку... Вскоре после этого осажденные спустили мостки и открыли ворота. Отец вошел в башню. Он казнил всех, кто был там, и воинов, и рабов, но их он убил быстро. И все твердил: «Воздаяние! Воздаяние!»

– Но что там произошло? – спросил Хаста, в котором отвращение боролось с любопытством.

– Не знаю. – Ширам пожал плечами. – Отец не говорил, а я не спрашивал. У нас не принято задавать пустые вопросы. Все, что отец желал мне показать, он показал.

– Да уж... – Хаста покачал головой. – Но зачем ты мне все это рассказал?

– Чтобы объяснить, что воздаяние неизбежно. Эти в башне признали владыкой мятежника Кирана, который пытался сжечь нас с тобой в столице. Мы накормим их тем, чем они накормили нас.

Ширам обернулся к воинам, под укрытием стены терпеливо ожидающим его приказов:

– Тащите хворост и масло. Они сами выбрали свою участь.

* * *

Башня пылала. С наветренной стороны хворост был обильно засыпан конским навозом, и смрадный черный дым вползал в каждую щелочку меж камней, не давая защитникам вздохнуть. Ширам равнодушно следил за расправой.

– Там люди, – напомнил Хаста.

– Там изменники, – не глядя на него, бросил саарсан. – Но можешь не волноваться – они воины и, несомненно, предпочтут быть убитыми в бою, а не превратиться в копченый окорок. Следи за воротами.

Хаста замолчал, подбирая слова для ответа. Но в этот миг дубовые ворота башни и впрямь распахнулись. Из нее с ревом вниз по склону устремился отряд защитников – всего то дюжины полторы. Ширам обнажил меч, но изящная твердая рука Арза-Бану легла ему на плечо.

– Ты нынче и без того покрыл свое имя славой. В том, чтобы истребить этих упрямцев, ее будет немного. Просто отдай приказ. Отныне ты не только саар рода Афайя, тебе нет нужды всякий раз идти в бой перед своими воинами.

Ширам бросил на седовласую воительницу недовольный взгляд, но кивнул и приказал:

– Принеси мне их головы.

– Как пожелаешь, повелитель, – склонилась она, и воины рода Бунгар ринулись навстречу защитникам башни.

Схватка завершилась, едва начавшись. Впрочем, в ее исходе никто и не сомневался.

– Головы мятежников на пики! – раздавались приказы Ширама. – Поставьте их над воротами, чтобы все знали, как мы караем бунтовщиков.

– У нас есть пленник, – подходя к нему, произнесла Арза-Бану.

– Зачем нам пленник? – удивленно взглянул на нее саарсан.

Саари рода Бунгар молча протянула ему нагрудник саконской работы, украшенный рядами идущих вепрей. Глаза саарсана вспыхнули.

– Он что, из свиты Кирана?

– Так он утверждает.

– Тащите его сюда!

Лицо воина было покрыто густой копотью, из глубокого пореза на щеке сочилась кровь. Ширам отметил еще пару небольших ран, однако саконский доспех стоил того, что за него было заплачено.

– Кто ты? – нахмурившись, спросил саарсан.

– Мое имя ничего не скажет грозному повелителю накхов, – с поклоном ответил раненый воин. – В прежние времена я начальствовал личной стражей Кирана.

– Что же ты делаешь здесь?

– Я расскажу тебе все, но обещаю, что сохранишь мне жизнь.

– Зачем тебе жизнь, если в ней не будет чести? – искренне удивился Ширам.

– К чему мне честь, если у меня не будет жизни? – хмыкнул бывший начальник телохранителей. – Но я клянусь, мои слова будут стоять того, чтобы эта голова и дальше держалась на плечах.

Саарсан взглянул на пленника с презрением:

– Хорошо. Если они и впрямь будут того стоить, я сохраню тебе жизнь.

– Накхи чтут справедливость и не бросают слов на ветер, – будто между делом напомнил пленник. – Хорошо, я скажу. Я прибыл сюда с тем, чтобы подготовить Двару к приезду царевны Аюны.

– Аюны? – удивленно повторил повелитель накхов. – Она едет сюда? Для чего?

– Ясноликий Киран желает начать переговоры с тобой, саарсан. Твоя невеста, царевна Аюна, – залог его доброй воли.

Ширам ничего не ответил. Однако Хаста заметил, что новость поразила его.

– Это правда, – подтвердил жрец. – Аюна и впрямь скоро должна приехать, причем в самые ближайшие дни – человек Кирана не мог намного опередить ее...

– Вот видишь, – усмехнулся саарсан, обращаясь к пленнику. – Твои слова не ценнее навозного дыма. Мой советник уже знал об этом.

Пленник метнул на Хасту ненавидящий взгляд и невольно сжался в ожидании смертоносного удара, но вдруг распрямился и воскликнул:

– Постой! Я скажу еще кое-что. Это и впрямь дорогого стоит.

– Пока ты только болтаешь, но не стоишь ничего.

– Ты объявил себя мечом в руке царевича Аюра, не так ли?

– Да, верно.

– А знаешь ли ты, где сейчас Аюр?

Ширам подался вперед:

– Говори!

– Сын Ардвана был похищен и заключен в подземелье в городской усадьбе Артанака, – быстро заговорил пленник. – Он пытался бежать, но его поймали и вернули на место...

– Кто вернул? – прервал его речь саарсан. – Кто похитил его?

Пленник мучительно поморщился, но наконец выдал:

– Киран. Затем, изгнав нахов из столицы, он послал меня за царевичем, дабы... отправить его туда, куда было приказано. Но моим людям не удалось исполнить порученное. В темнице Артанака оказался еще один человек – старик, похожий на жреца. Я не ведаю точно, что там произошло, но старец с царевичем исчезли, а мои люди были найдены мертвыми, причем погибли они весьма удивительным образом... Так что, скорее всего, царевич жив.

– Старый жрец, убивающий удивительным образом? – пробормотал Хаста.

– Твои слова и впрямь драгоценны, – произнес Ширам, обращаясь к пленнику. – Я исполню свое обещание.

Он обвел глазами сааров и воинов, окружавших почерневшую от копоти башню:

– Вы слышали? Аюр жив! А тебе, – он обратил взгляд на бывшего главу телохранителей, – я дам коня. Отправляйся в столицу и скажи Кирану: если он желает сохранить свою никчемную жизнь, пусть едет сюда и принесет мне присягу, как защитнику и наместнику законного государя. В этом случае его ждет справедливый суд равных. Если нет – я сам приду в столицу.

* * *

Лицо Аршага горело праведным гневом. Он спрыгнул с коня, поправил широкие ремни мечей и быстрым шагом направился к стоящему посреди двора саарсану:

– Ширам, я выполнил твою волю. Те, кто сложил оружие и согласился присягнуть на верность царевичу, целы и невредимы. Я привел их.

– Ты все сделал верно. Я благодарю тебя и твоих воинов.

– Благодарить? – воскликнул Аршаг, останавливаясь перед ним. – И где эта благодарность? Почему я ее не вижу?! Что вообще происходит в городе? Мы захватили его?

– Нет. Мы его освободили, – нахмурился Ширам.

– Вот даже как? – протянул саар рода Зериг. – Тогда почему государь не шлет нам заслуженную награду? Ширам, мы захватили этот город, и все, что в нем, принадлежит нам! Я согласен, мы не трогаем храм – жрецы помогли нам войти в эти стены. Но чем помогли нам здешние купцы? Почему мы должны позволять им смеяться у нас за спиной?! Сейчас, пока мы с тобой тут торчим, они прячут по тайникам все самое ценное, чтобы вдоволь поглумиться над нами! А ведь это наша справедливая добыча, Ширам! Или, распустив косу, ты позабыл и воинский обычай нашей земли? Ты же твердишь о справедливости. Почему для чужаков, для всяких никчемных торгашей, которые продадут тебя за рыбий хвост, ты силишься быть справедливым, а для нас, твоей родни и опоры, у тебя нет ее и крохи?!

– Вы получите все, что принадлежало поднявшим против нас оружие, – спокойно ответил Ширам и указал на тела у дымящейся башни.

– Ты прямо-таки неслыханно щедр, мой доблестный саарсан! – Аршаг издевательски склонился перед родичем. – Неужели ты откажешься от своей доли? Тогда что бы мне взять? Прогоревшие обноски с мертвеца или этот отменный саконский нагрудник? Впрочем, еще вчера броня и так принадлежала мне. Но какая радость! Сегодня я получу его в дар от тебя! А что достанется моим воинам? Дранные штаны? Присыпка от блох? А, нет – вон та разрубленная шапка. Ее хватит сразу на двоих.

– Ты много говоришь, Аршаг, – устало ответил Ширам. – Много и громко. Твои слова всполошили здешних ворон, но ты ведь говоришь не с ними, а потому не ори понапрасну. Слушай внимательно и запоминай. Двара – не покоренный город. Это новая столица царевича Аюра. Город сдался на нашу милость, и он не будет разорен. И никто не посмеет его грабить, иначе будет казнен как разбойник. Когда мы посадим на трон сына Ардвана, каждый получит то, что ему причитается. А сейчас мы в походе. И если нет жареного мяса, каждый

будет довольствоваться сухой лепешкой. Такова моя воля и воинский обычай нашего народа. Пока можешь взять то, что принадлежало мятежникам. Если пожелаешь.

Глава 9

По следу Аюны

Прошел день, другой, однако вестей от дозорных о царевне Аюне в Дваре так и не дождались. Ранним утром третьего дня из ворот столицы юга выехали конные отряды, отправленные Ширамом на поиски его вновь исчезнувшей невесты. Сам он остался в Дваре, готовясь к новым походам. Найти Аюну было важно – но куда больше саарсана сейчас волновало другое. Да, впечатляющий захват самого большого и хорошо укрепленного города на Ратхе заставил накхов вновь поверить в его удачу. Но после недавней свары с Аршагом он понимал, что достаточно мелкой военной неудачи, чтобы погубить все – и его самого, и задуманное им дело.

Даргаш, молодой военный вождь одной из семей рода Афайя, возглавлял разъезд в три десятка бойцов. Он не был новичком в своем деле и уже четыре года водил отряд пограничной стражи под знаменами государя. Он хорошо знал окрестные леса до самой реки Даны, за которой начинались владения непокоренных вендов.

Сперва ему казалось, что вот-вот – и припозднившаяся царевна Аюна со своими людьми покажется из-за поворота столичного тракта. И все, что останется, – с почетом проводить ее в Двару. Однако царевна не появлялась. Более того, остановленные разъездом торговцы в один голос уверяли, что не видели ни дочери солнцеликого Ардвана, ни ее многочисленной свиты. Те же вести приходили с приречной дороги, ведущей к Накхарану, и с мелких троп, хотя там и разыскивать царевну было незачем.

Обеспокоенный Даргаш начал поиски в стороне от дорог. Его мучило нехорошее предчувствие. Конечно, о приказе Кирана подготовить прием для невесты саарсана в Дваре не объявляли, но скрыть такую новость почти невозможно. А на торжище, как он знал, всегда толкуются соглядатаи врага.

Уже очень много лет враг в этих краях был один – лесные венды. Враг непримиримый и упорный. Они все еще числили своими земли, на которых стояла Двара, и далее, вплоть до самых предгорий Накхарана. С древнейших времен венды сражались за приречные степи с накхами, отражая их набеги и в ответ устраивая свои. А затем с востока из-за гор появились колесницы арьев. Накхи были разгромлены в Битве Позора и покорились. Чужаки потребовали и у вендов признать их власть. Некоторые согласились, но те из них, кто не желал смириться, ушли за реку, в дремучие леса. Арьи в чащобу не полезли: колесницам не развернуться в лесной глухомани. Для этого новым властителям как разгодились накхи. С тех пор ненависть свободных вендов к «охотничьим псам» захватчиков только усилилась.

Правда, изрядная часть вендов, мирно живших пашней и выпасом скота, так и осталась сидеть на земле, платя подати Аратте. Непокорные лесные венды презрительно звали их хлапами и грозились, вернувшись, оставить в рабском положении всех тех, кто не возьмется за оружие. Их слова находили отклик во многих хлапских душах. И зачастую набеги вендов отличались не только стремительностью, но и завидной точностью, что заставляло думать о множестве глаз по эту сторону великой реки.

Отряд Даргаша обшаривал окрестности дороги, когда один из воинов крикнул:

– Сюда!

Предводитель спешил и подошел к нему.

– Вот, гляди!

Воин указывал на куст со множеством сломанных мелких веточек.

– Тут дрались, – тихо проговорил Даргаш, оглядывая пожелтевшие листья, устилавшие землю. – Смотри-ка, бурые пятна...

Он начал осматривать место кровопролития.

– Похоже, тут кого-то убили, – не поднимая глаз, проговорил он. – Листья разворошены, на земле кровь...

– Гляньте, что я нашел! – крикнул еще один воин, обшаривавший кусты чуть в стороне. – Серебряная бусина!

Даргаш принял украшение из рук своего человека и начал его разглядывать. Ага, знакомая вещица... Когда он служил Жезлоносцем Полуночи в столице, он видел много подобных зажимных бусин, усаженных зернью. Столичные девушки украшали ими волосы, скрепляя косицы в сложных прическах. Если бусина оказалась на земле, значит косица была растрепана в схватке...

Молодой вождь огляделся. Здесь дорога поворачивает, слева холм, справа осыпь. Он бы и сам выбрал такое место для засады!

– Двое остаются с лошадьми, – начал распоряжаться он. – Вы втроем поспешите к Шираму с новостями. Вы пятеро – следуйте за нами в отдалении, шагах в двадцати, и слушайте мои приказы. Остальным – разойтись широким гребнем, друг друга из виду не терять. Похоже, мы нашли то, что искали.

Вспугнутые приближением людей сороки взвились с недовольным стрекотом и начали кружить над лесом, ожидая, когда чужаки уйдут, чтобы продолжить прерванную трапезу. Но люди не собирались уходить. Они стояли вокруг, не обращая внимания на запах тления, и молча глядели, как один из воинов, сидя на ветке, распутывает косы, на которых висели искилеванные птицами тела.

– Этот наш, из рода Афайя. Этот из рода Зериг. Те двое – из рода Багх, – всматриваясь в искаженные лица убитых, тихо говорил Даргаш. – Харза из рода Афайя был жезлоносцем. Я хорошо его знал... – Он указал на изуродованный труп. – Похоже, эти четверо из тех, кто угодил в плен во время битвы у излучины.

– Так и есть, – подтвердил один из воинов. – Харзу ранили острой на моих глазах, когда он пытался взобраться на колесницу.

– Значит, их отослали в Накхаран вместе с царевной, чтобы передать Шираму как подарок на свадьбу... – Он повернулся к одному из воинов. – Ты посчитал, сколько тел на кострище лесовиков?

– Не меньше восьми.

– Похоже, тут была нешуточная схватка. А если венды решили сжечь тела прямо здесь, значит спешили. Иначе бы потащили их с собой.

– Там, в отдалении, я нашел обрывок ленты, – подошел один из следопытов.

– Нашей?

– Нет, женской.

– Значит, Аюна со свитой точно здесь побывала, – задумчиво проговорил Даргаш.

– Вероятно, такие ленты будут еще, – добавил следопыт.

– Почему ты так думаешь?

– Эта не просто зацепилась за ветку – ее наскоро примотали.

– Тут могут быть еще следы. – Даргаш поднял голову и приказал: – Обыщите здесь все!

Ширам прибыл на место расправы тем же днем. Увидев обезображенные трупы сородичей, саарсан помрачнел и стиснул зубы. Будь он, как прежде, всего лишь главой рода Афайя, ничто не помешало бы ему прямо сейчас пуститься в погоню, чтобы отомстить вендам за поругание братьев.

Но теперь он еще и правитель Накхарана! Уйти в вендские леса по следам врагов значило бы отбросить его замысел выманить Кирана из столицы и поймать в западню, как говаривал Хаста – точно хорька в тыкву.

А ведь есть еще новости о том, что Аюр жив, – и они важнее всего! Следует немедленно начать поиски, пока его не опередил тот же Киран или кто-нибудь еще, желающий смерти наследника...

Ширам тяжело вздохнул. Он чувствовал себя так, будто его тянут в разные стороны, пытаясь разорвать на части. С тех пор как он стал саарсаном, он не знал ни мгновения покоя. И все равно каждое его решение плодило все новых недовольных.

«Что я делаю не так?» – с болью подумал он.

– Мои люди обшарили здесь каждый куст, – рассказывал Даргаш. – Неподалеку от дороги в овраге нашли пару дюжин объединенных зверями тел. Должно быть, это была свита и охрана царевны. Тела ободраны до нитки. Женщин и добро венды прихватили с собой. Тут поблизости много чего нашли – обрывки лент и платьев, рассыпанные бусы, речной жемчуг... Отряд был довольно большой – не меньше пяти десятков. Ушли, не особо скрываясь, выследить будет несложно. Но венды торопились. Они наверняка уже за рекой.

– Значит, хорошо знали, кого ждут, – задумчиво произнес Ширам. – Знали, сколько охранников будет в обозе царевны. И что подмоги ей ждать неоткуда...

Саарсан вспомнил свою беглую невесту. Еще совсем недавно, возвращаясь с Великой Охоты, он думал о ней ежедневно, с душевным волнением. Представлял, как будет беседовать с ней, и в его мыслях царевна отвечала ему разумно и ласково. Он тщательно подыскивал слова, чтобы рассказать о себе и народе, в который ей предстояло войти его женой. Но его мечтания обратились в прах. Сгорели вместе с крепостью в столице, разлетелись с пеплом подожженной им степи.

Теперь Ширам старался думать о царевне холодно и спокойно – так, будто венды похитили почти неизвестную ему девушку. Ведь она же оттолкнула его, выбросила из своих мыслей, как выбрасывают золу из очага! Сколько презрения и ненависти обрушила тогда на его голову! Нет, он сам не поедет искать Аюну – она этого не заслужила. Просто отошлет Даргаша с его людьми на поиски. Заодно пусть родич разорит ближайшее селение вендов в отместку за погибших братьев. А еще лучше – захватит какого-нибудь племенного вождя с семейством. Даргаш – ловкий следопыт и опытный воин. Он хорошо знает эти земли и уж точно не оплошает.

«Скорее всего, венды, убившие моих воинов и похитившие царевну, вернувшись домой, устроят пир. Если соглядатаи им донесли, что мы пошли на Двару, они будут уверены, что я там завязну. Во время празднеств венды становятся неосторожными. Помнится, одна из жен моего отца этак погубила два десятка вождей за одну ночь...»

Ширам хищно улыбнулся.

«Если Исвархе будет угодно и Даргаш найдет Аюну – пусть тащит сюда. А уж там разберемся, как с ней обойтись...»

Он вдруг одернул себя.

«Нет, о чем я? Она все же сестра Аюра! Ее надо будет сопровождать в Накхаран со всем подобающим царевне почетом...»

Что ж, если Аюна найдется – он возьмет ее в жены, хочет она того или нет. Таково было решение государя Ардвана. Это поможет принести мир и восстановить справедливость. Но для себя Ширам ничего доброго не ждал от этого брака.

– И еще... – добавил Даргаш, окликнув погрузившегося в раздумья саарсана. – Мы тут нашли диковинные следы.

– Что еще за следы?

– Погляди сам.

Он указал повелителю на ствол одной из растущих поблизости сосен.

– Кто-то рвал кору когтями. Огромными когтями! А там, на пепле, мы нашли отпечатки лап. Как будто два зверя вроде горного льва, один побольше, другой поменьше, и оба ходят на задних лапах...

Ширам пристально поглядел на него:

– Быть может, это вендские оборотни? Я немало слышал о них. Венды зовут их волколаками...

– Или это один хищник, но тогда и вовсе невиданный, – продолжал Даргаш. – Ибо передние лапы у него гораздо больше задних.

– Покажи-ка мне эти следы, – велел Ширам.

Они отошли к кострищу, на котором не так давно пылали мертвые тела вендов. Ширам присел над вдавленными в пепел отчетливыми, хотя уже и несколько сглаженными следами.

– Вот это да! – пробормотал он.

– Ты знаешь, что это за следы?

– Да, мне приходилось видеть такие – очень далеко отсюда. Если бы я не знал доподлинно, что этот зверь тут не водится, я бы решил, что это молодой саблезубец.

– Зверь появился здесь после того, как костер потух, – добавил Даргаш. – И, судя по отметинам на стволах деревьев, он тоже идет по следу вендов.

* * *

– Ну вот, опять завязка порвалась! Да что ж такое!

Янди остановилась, опустилась на колено, и принялась не спеша связывать кожаный ремешок, обвивавший лодыжку. Рядом недовольно сопел мохнач. Они уже давно бродили по лесу и все никак не могли выйти к вендской стоянке!

Закончив связывать ремешок, Янди выпрямилась, устало потянулась, выгибая спину, и долгим взглядом поглядела на солнце, уже начавшее алеть и клониться к закату. Не слишком ли быстро они идут? Если Аоранг и впрямь решит сейчас в одиночку броситься на толпу распаленных кровью вендов, то, пожалуй, не проживет и мгновения, чтобы всплеснуть над ним руками. В этом случае ей не хватит времени, чтобы увести в лес Аюну... Но посвящать мохнача в тонкости своего замысла Янди не собиралась. А значит, нужно и дальше изображать из себя дворцовую служанку, развлекавшую царевну пением и танцами. Как такой беспомощной певчей птичке не потеряться в лесу?

– Где твои венды? – нетерпеливо буркнул Аоранг. – Ты сказала, что они совсем рядом, я тебе поверил...

– Уже совсем близко, клянусь Солнцем, – скороговоркой зашептала она, трогая Аоранга за руку. – Но послушай, их там много, очень много! Когда они напали на обоз, наши стражники пытались дать отпор, но их было даже не видно среди этих ужасных разбойников! Сама не пойму, как мне удалось заползти под куст...

– Пошли! – хмуро потребовал Аоранг, раздраженно поглядев на болтливую девицу из-под нависающих густых бровей.

«Как же, как же, – подумала Янди. – Нападать следует в темноте, когда венды упыются на тризне по своим родичам. Но уж точно не сейчас!»

– Идем, я готова! Что же ты стоишь? – торопливо ответила она, взмахнув ресницами. – Только бы не напутать и сообразить, откуда я прибежала! Это было так страшно! Они гнались за мной и рычали – ну чисто волки... Ой, а что это твой котик на меня так глядит?

– Рыкун всегда так глядит.

– А он сегодня ел?

– Ел.

– А он много ест? У него очень голодный вид!

Аоранг закатил глаза:

– Пошли уже!

– Да, да, конечно, – закивала девушка – и снова направилась совсем не в ту сторону, откуда прибежала.

Она слыхала, что Аоранг был следопытом, – значит, нельзя дать ему возможность применить свои умения. Отвлекать, заговаривать зубы – и поскорее увести подальше от настоящих следов. Конечно, через некоторое время мохнач раскусит обман. Придется возвращаться обратно и искать следы заново. А уж когда стемнеет, она может и «вспомнить» дорогу...

– Твой зверь не ест людей? – снова заговорила Янди, заметив, что Аоранг скользит взглядом по земле и все сильнее хмурится.

– Нет.

– А чем его можно угостить?

Аоранг с досадой поглядел на спутницу:

– Ничем. Разве что у тебя в поясной сумке завалялись сырые олени потроха.

– Нет, там сласти. Хочешь?

Аоранг хотел уже рывкнуть на нее, но передумал.

– Ладно, давай.

– На, угощайся!

Янди вытащила из поясной сумы сплетенный из бересты маленький туесок и вытряхнула на ладонь слипшуюся горсть орехов в меду.

– Я страсть как сладкое люблю! Помнится, в столице...

– Остановись, – шикнул на нее Аоранг, принимая из рук девушки подарок. – Там твоя хозяйка страдает, а ты трещишь как сорока.

– Но я ведь тебя нашла! А ты ее освободишь, – широко распахнув глаза, прошептала Янди. – О, ты такой сильный! И этот твой зубастый зверь... Только вот разбойников уж очень много...

Она выжидающе поглядела на Аоранга, стараясь угадать, сообразит тот, что нападать следует ночью, или так и будет искать отсутствующие следы?

– Ступай вперед, – рыкнул тот, – да поменьше болтай.

«Не сообразил. Значит, придется еще попетлять».

Когда в лесу окончательно стемнело, они наконец вышли на место. Янди озадаченно поглядела на затухшие угли пепелища.

– Но где же венды?

Заметив подвешенные тела, она громко ахнула и с криком бросилась в объятия своему спутнику.

– Там мертвецы! – причитала Янди, уткнувшись лицом ему в грудь. – О Святое Солнце! А почему они так странно выглядят?!

– Успокойся и не смотри на них. – Аоранг крепко прижал к себе дрожащую девушку. Ему было и жалко эту столичную неженку, и досадно. Хоть бы она не успела разглядеть замученных, не то ему придется успокаивать ее полночи!

– Это накхи, – тихо ответил он, поглядев на косы. – В здешних краях их ненавидят. Пошли-ка отсюда!

Они обогнули кострище и перешли на другой край поляны. Там Янди решила, что пора ей успокоиться, и быстро заговорила:

– Но ты видишь, я тебя не обманула! Венды были здесь!

– Да, я заметил, – мрачно ответил Аоранг. – И ушли, причем уже довольно давно. Рыкун!

Саблезубец, прижав уши и вытянув длинную шею, осторожно обнюхивал казненных. Шерсть на его загривке стояла дыбом, десны над клыками обнажились. Он был так поглощен

своим занятием, что даже не услышал зов хозяина. Только после второго окрика детеныш резво подбежал к Аорангу и принялся тереться о его ногу.

– Как ты могла заблудиться? – с досадой спросил мохнач.

– Это же лес, – принялась оправдываться Янди. – Здесь все деревья одинаковые!

Аоранг скривился. Для него это звучало так же нелепо, как утверждение, что все люди – на одно лицо. Он вновь пожалел, что позволил этой девице указывать дорогу. Надо было сразу искать следы самому. «Ну ничего, – подумал он. – Такой отряд в лесу потерять невозможно. Лишь бы они не обидели Аюну...»

– Кто же знал, что венды уйдут по темноте! – продолжала сокрушаться Янди.

Это девушка говорила почти искренне. Конечно, предположить такое она могла. Но то, что венды быстро ушли, даже не забрав с собой кости соплеменников, а лишь кое-как забросав кострище землей, было удивительно и наводило на определенные мысли. Вряд ли они кого-то так сильно боятся. В лесу каждый из них стоит троих арьев. Если венды изменили своим обычаям – значит, готовится что-то важное. И это важное произойдет очень скоро. И наверняка Аюне в нем уготована немалая роль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.